Лицо ее закройте

Автор:
Филлис Дороти Джеймс

Лицо ее закройте

Филлис Дороти Джеймс

Адам Дэлглиш #1

Молоденькая горничная из богатого дома была слишком умна, слишком красива и слишком хитра.

Она слишком многое знала – и слишком многого хотела.

Ее убийство не показалось многоопытному детективу Адаму Дэлглишу странным – такого следовало ожидать.

Странно другое – убитую ненавидели все члены семьи и даже их соседи. Однако ни один из них на первый взгляд не готов был решиться на преступление…

Филлис Дороти Джеймс

Лицо ее закройте

P.D. James

COVER HER FACE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

© P.D. James, 1962

© Перевод. А. Г. Николаевская, 1992

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава первая

1

Ровно за три месяца до убийства в Мартингейле миссис Макси устроила прием. Спустя годы, когда судебный процесс почти стерся в памяти – остались лишь скандальные подробности да заголовки на пожелтевших газетных страницах, которыми застилали полки в кухонном буфете, – Элеонора Макси вспомнила тот весенний вечер как первый эпизод трагедии. Память, капризная и своевольная, воскрешала картину ничем не примечательного ужина, окутывая ее аурой дурных предчувствий и тревоги. Теперь, в ретроспективе, он казался ритуальной встречей под одной крышей жертвы и подозреваемых. Прологом к сцене убийства. На самом деле на ужине присутствовали не все подозреваемые. Во-первых, Феликс Герн в тот уик-энд не был в Мартингейле. Но в воображении Элеоноры Макси он тоже сидел за столом, следя насмешливым и пытливым взглядом за гримасами и ужимками входящих в роль актеров.

Конечно же, вечер был заурядным и скучным. Трое гостей – доктор Эппс, викарий и мисс Лидделл, смотрительница приюта Святой Марии для девочек, – слишком часто сиживали за одним столом, чтобы ждать друг от друга чего-нибудь новенького или испытывать от подобного соседства особый восторг. Кэтрин Бауэрз была непривычно молчалива, а Стивен Макси и его сестра Дебора Рискоу с трудом сдерживали раздражение. Стивен не приезжал домой из своей

больницы больше месяца, и пожалуйста – именно в этот день устроили прием. Миссис Макси только что взяла в горничные мать-одиночку из приюта мисс Лидделл, и девушка первый раз прислуживала гостям. Но напряжение, сковавшее всех участников трапезы, вряд ли было вызвано присутствием Салли Джапп, ставившей блюда перед миссис Макси и убиравшей тарелки с завидной сноровкой, которую отметила не без удовлетворения мисс Лидделл.

Судя по всему, по крайней мере один гость был безмятежно счастлив. Бернард Хинкс, викарий Чадфлита, был холостяком, и любая возможность отказаться от сытной, но неудобоваримой стряпни своей сестрицы, которая вела его хозяйство, – она-то никогда не разъезжала по гостям! – оборачивалась для него истинным праздником, так что ему было не до светской болтовни. Милый, приятный мужчина, он казался старше своих пятидесяти четырех лет, слыл нерешительным и робким во всех вопросах, за исключением веры. Теология была его главной, практически единственной страстью; случалось, правда, прихожане не всегда понимали его проповеди, хотя принимали их восторженно и считали, что он шибко умный, оттого и говорит непонятно. Однако в деревне знали, что викарий никому не отказывает ни в помощи, ни в совете, и если предыдущий был малость туповат, то на теперешнего можно было положиться.

Для доктора Чарлза Эппса ужин означал отличную еду, общество очаровательных женщин, с которыми можно поболтать, и передышку от его нудной деревенской практики. Он вдовел, жил уже тридцать лет в Чадфлите, досконально знал почти всех своих пациентов и мог без ошибки сказать, кому грозит смерть, а кому нет. Он был уверен, что нет на свете такого врача, который способен повлиять на исход болезни, что мудрость состоит как раз в том, чтобы знать, когда твоя смерть причинит ближним твоим как можно меньше хлопот, а тебе – печали, считал также, что новейшие достижения медицины продлевают жизнь больному лишь на несколько никому не нужных месяцев к вящей славе того, кто его лечит. И все-таки он был совсем не глуп и обладал куда большими познаниями, чем полагал Стивен Макси, и совсем немногие его пациенты предстали перед неизбежным концом раньше предписанного им часа. Он дважды принимал роды у миссис Макси, был домашним доктором и другом ее мужа; впрочем, Саймон Макси не мог долее поддерживать эту дружбу и ценить ее – он помутился в уме. Сейчас доктор сидел за столом семейства Макси и поддевал вилкой суфле из цыпленка с видом человека, который заслужил честным трудом свой ужин и не намерен поддаваться настроению прочих.

– Так вы взяли Салли Джапп с ребенком, Элеонора? – Доктору Эппсу никогда не возбранялось формулировать очевидное. – Милые создания эти обе крошки. Да и вам стало повеселее – снова малыш в доме.

– Хочется надеяться, что и Марта так считает, – сказала сухо миссис Макси. – Ей, конечно, без помощницы не обойтись, но она такой консерватор. Эта ситуация может оказаться ей не по душе.

– Да справится она с ней. Моральные соображения отступят, все же на кухне появилась лишняя пара рабочих рук. – Душевные колебания Марты Балтитафт не очень, видно, волновали доктора, что он и подтвердил взмахом короткопалой руки. – Очень скоро она в младенце души чаять не будет. Джимми – прелестный ребенок, какое кому дело, кто его отец.

В этот момент мисс Лидделл сочла необходимым довести до слушателей свое мнение умудренного опытом человека:

– Не думаю, доктор, что нам следует с такой легкостью относиться к этому явлению. Естественно, мы, христиане, должны быть милосердны, – при этих словах мисс Лидделл чуть заметно поклонилась в сторону священника в знак того, что не забывает: среди них – специалист в этой области, и она приносит извинения, что вторгается в нее, – но не могу отделаться от мысли: общество в целом слишком снисходительно к этим девицам. Нормы морали будут неуклонно падать, если к таким детям относиться с большей заботой, чем к рожденным в лоне семьи. А это уже имеет место! Бедные, достойные всяческого уважения матери не видят и половины заботы и ласки, которыми мы одариваем этих девчонок!

Она обвела взглядом сидящих за столом, побагровела и с новым рвением принялась за еду. Ну и что с того, что она их огорошила? Это надо было сказать. Ее святой долг. Она посмотрела на священника, ища поддержки, но мистер Хинкс, озадаченно взглянув на нее, снова занялся едой. Уж больно святой отец усердствует над тарелкой, с раздражением подумала мисс Лидделл, оставшись без союзника. Но тут она услышала голос Стивена Макси:

– Да эти дети, без сомнения, ничем не отличаются от всех остальных, разве что мы больше перед ними в долгу. Я тоже не считаю, что их матери такие уж замечательные. Но в конце концов, много ли найдется людей, соблюдающих

законы морали, за нарушение которых они презирают этих девиц?!

– Очень много, доктор Макси, уверяю вас. – Мисс Лидделл по роду своей профессии не привыкла, чтобы ей перечили младшие. Стивен Макси, может, и перспективный молодой хирург, но это вовсе не значит, что он специалист по проблемам оступившихся девиц. – Мне страшно подумать, что мерзости, о которых приходится слышать по долгу службы, – в порядке вещей для современной молодежи.

– Поскольку я представитель современной молодежи, поверьте мне, мы частенько позволяем себе презирать тех, кто просто попал в беду. Эта девушка, по-моему, ведет себя совершенно нормально и достойна уважения.

– Да, она тихая, у нее прекрасные манеры. К тому же достаточно образованна. Окончила классическую[1 - Школа для детей от 11 до 18 лет, программа которой предусматривает изучение классических языков. – Здесь и далее примеч. пер.] школу! Я бы и помыслить не смела рекомендовать ее вашей матушке, если бы она не была самой безупречной воспитанницей приюта Святой Марии. Она сирота, ее воспитала тетка, но надеюсь, эта подробность не разжалобит вас. Салли предстоит потрудиться, чтобы использовать выпавший ей шанс. Прошлое позади и забыто навсегда.

– Должно быть, нелегко забыть прошлое, когда оно оставляет о себе столь явное воспоминание, – сказала Дебора Рискоу.

Доктора Эппса утомлял этот разговор, у него грозило испортиться настроение и, может, даже пищеварение, потому он поспешил внести свою лепту. Отчего, к сожалению, собеседники еще более разошлись во мнениях.

– Она хорошая мать и славная женщина. Может, повстречает еще парня и выйдет замуж. Самое лучшее. Не нравятся мне такие семьи – мать-одиночка и ребенок, слишком уж они замыкаются друг на друге, и ничего путного из этого не выходит. Иногда мне кажется – понимаю, мисс Лидделл, это звучит дико, – что самое лучшее – отдавать этих малышей со дня рождения в нормальную семью.

– За ребенка несет ответственность его мать, – изрекла мисс Лидделл. – Ее долг – растить его и заботиться о нем.

– Все шестнадцать лет, без отцовской помощи?

– У нас действует закон об установлении отцовства, доктор Макси, мы прибегаем к его помощи, когда можем. К сожалению, Салли заупрямилась, не сказала нам фамилии отца, так что мы бессильны.

– На несколько шиллингов теперь далеко не уедешь. – Стивен Макси явно настроился продолжать эту тему. – Думаю, Салли даже не платят пособие на ребенка.

– Мы живем в христианской стране, дорогой мой брат, и расплата за грех – смерть, а не восемь шиллингов налогоплательщика.

Дебора произнесла эту фразу едва слышно, но мисс Лидделл услышала ее и поняла, что она предназначалась ей. Миссис Макси почувствовала, что ей пора вмешаться. По крайней мере двое гостей полагали, что ей следовало сделать это раньше. Миссис Макси никогда ничего из-под своего контроля не выпускала.

– Я сейчас позову Салли, – сказала она, – давайте сменим тему. Рискую навлечь на себя ваше недовольство, но хотела бы спросить вас о церковном празднике. Конечно, вам кажется, я пригласила вас под каким-то надуманным предлогом, но мы на самом деле должны назначить дату.

Когда Салли появилась в столовой, разговор был столь скучным и мирным, что даже Кэтрин Бауэрз была удовлетворена. На эту тему каждый мог разглагольствовать сколько заблагорассудится.

Мисс Лидделл наблюдала, как Салли Джапп обходит стол. Можно было подумать, что беседа за ужином впервые возбудила в ней желание как следует разглядеть девушку. Салли была очень тоненькая. Пышные золотисто-рыжие пряди волос, выбившиеся из-под наколки, казались слишком тяжелой ношей для нежной головки. Руки еще детские, длинные, с острыми локтями, с красноватой кожей. Пухлые губы скромно поджаты, в зеленых глазах сосредоточенность. Ни с того ни с сего на мисс Лидделл накатила волна умиления. Салли и впрямь прекрасно справляется со своими обязанностями, просто прекрасно! Она подняла глаза, чтобы перехватить взгляд девушки, одарить ее улыбкой одобрения и поддержки. И встретила ответный взгляд. Секунды две они

смотрели друг на друга. Потом мисс Лидделл вспыхнула и опустила глаза. Нет, она ошиблась! Да как же Салли осмелилась так смотреть на нее! В смятении и ужасе она пыталась понять, что ее поразило. Еще до того, как изобразила на своем лице это самое одобрение, она прочитала в глазах девушки не покорную благодарность, олицетворением которой Салли Джапп из приюта Святой Марии всегда была, а веселое пренебрежение, намек на какую-то тайну и неприязнь, столь явную и сильную, что это просто пугало. Потом Салли потупила зеленые глаза, и непонятная незнакомка снова превратилась в послушную, покорную Салли, самую любимую заблудшую овечку, пользующуюся особым благоволением мисс Лидделл. Но тот момент не прошел бесследно. Мисс Лидделл просто дурно сделалось от мысли, озарившей ее. Ведь она дала Салли отличную рекомендацию. Девица вроде бы отвечала всем требованиям. Была, можно сказать, безупречна. Даже слишком хороша, чтобы батрачить в Мартингейле. Но назад ходу нет. Поздно решать, мудро она поступила или глупо. Самый печальный исход – позорное возвращение Салли в приют. Впервые мисс Лидделл поняла, что, порекомендовав свою лучшую воспитанницу в Мартингейл, она навлекла на свою голову неприятности. Но ей не дано было предугадать их размеры, равно как и то, что венцом их станет убийство.

Кэтрин Бауэрз, приехавшая в Мартингейл на уик-энд, за столом помалкивала. Она была девушкой честной и искренней, и, когда поняла, что она на стороне мисс Лидделл, ей стало не по себе. Слов нет, Стивен весьма благородно и великодушно заступился за Салли и ее подруг по несчастью, да еще с такой страстью заступился, но Кэтрин он разозлил, вот так она начинала сердиться, когда ее друзья, не имевшие отношения к медицине, разглагольствовали о благородстве ее профессии. Романтика – вещь прекрасная, но что толку от нее тем, кто носится с подкладными суднами или имеет дело с правонарушителями. Ее так и подмывало сказать это вслух, но присутствие Деборы, сидевшей напротив, лишало ее дара речи. Ужин, как и все неудачные светские мероприятия, длился бесконечно. Ну как можно, думала Кэтрин, настолько долго пить кофе, и пора бы уж мужчинам раскуривать трубки.

Наконец все кончилось. Мисс Лидделл заспешила в свой приют, заметив, что ей спокойнее, когда мисс Поллак не остается слишком долго одна. Мистер Хинкс, пробормотав что-то о том, что ему надо подготовиться к завтрашней службе, растворился в весеннем воздухе, словно бесплотный дух. Дебора Рискоу и доктор Эппс безмятежно болтали о музыке, пристроившись у камина в гостиной. Кэтрин предпочла бы говорить о чем-нибудь другом. Лучше телевизор посмотреть, но телевизор в Мартингейле только у Марты в комнате. Если уж говорить, то о медицине. Доктор Эппс, естественно, воскликнул бы: «Конечно,

вы ведь санитарка, мисс Бауэрз! Повезло Стивену – рядом с ним человек, который живет теми же профессиональными интересами, что и он». Потом они втроем станут болтать, к ним подсядет Дебора, но на этот раз ей придется помалкивать – пусть знает, что мужчины устали от хорошеньких бестолковых женщин, хотя они и в роскошных нарядах, и что Стивену на самом деле нужен единомышленник, коллега, способный беседовать с его друзьями толково, со знанием дела. То были заманчивые мечты, и, как большинство мечтаний, они не имели ни малейшего отношения к реальности. Кэтрин сидела, протянув руки к тонким язычкам пламени в камине, и старалась выглядеть непринужденной, пока другие говорили о композиторе с каким-то нелепым именем – Питер Уорлок; она о нем ничего не знала, вроде очень давно жил, но не помнила когда. Дебора, естественно, заявила, что не понимает его, но, как всегда, ее невежество выглядело милым. Потом завела с Кэтрин разговор (как поживает миссис Бауэрз, видите ли, ей интересно), до чего же высокомерная особа. Но тут, к счастью, вошла новая горничная сообщить доктору Эппсу, что у женщины с дальней фермы начались схватки. Доктор поднялся с явной неохотой, встряхнулся, словно лохматый пес, и раскланялся.

Кэтрин сделала последнюю попытку.

– Сложный случай, доктор? – спросила она бодро.

– Да нет, мисс Бауэрз. – Доктор Эппс обвел рассеянным взглядом гостиную в поисках своей сумки. – У нее уже трое. Милая женщина, хрупкая, просто ей легче, когда я подле нее. А почему – одному Господу известно! Она может родить, как говорится, не моргнув глазом. Всего доброго, Элеонора, благодарю за прекрасный ужин. Я собирался подняться к Саймону перед уходом, но, если позволите, загляну завтра. Вам, верно, надо новую порцию снотворного. Я захвачу с собой.

Он раскланялся и, тяжело ступая, направился в сопровождении миссис Макси в холл. Вскоре собравшиеся услышали, как на подъездной аллее взревел мотор его машины. Эппс предпочитал маленькие быстрые машинки, из которых выбирался с превеликим трудом, за рулем он смахивал на хитрого старого медведя, отправившегося на пирушку.

– Давайте пройдемся в конюшни, – предложила Дебора, когда звук мотора замер вдали. – Посмотрим на Боукока и его лошадей. Конечно, если Кэтрин согласна прогуляться.

Кэтрин очень даже не прочь была прогуляться, но не с Деборой. Поразительно, почему Дебора не замечает или делает вид, что не замечает, что им со Стивеном хочется остаться вдвоем. Но уж если Стивен не объяснил ей, то Кэтрин тем более не станет этого делать. Скорее бы им пожениться, развязался бы он со своими родственниками. Вампиры, а не люди, думала Кэтрин, которой доводилось встречаться с такой породой во время своих «вылазок» в мир современной литературы. Дебора, ни сном ни духом не ведавшая о своих жутких наклонностях, вышла через балконную дверь и побрела по лужайке.

Конюшни раньше принадлежали Макси, а теперь были собственностью Сэмюэля Боукока; они находились в двухстах ярдах от дома, по другую сторону лужайки. Старина Боукок чистил упряжь при свете фонаря, насвистывая сквозь зубы. Коренастый шатен с лицом гнома, раскосыми глазками и большим ртом, он встретил Стивена с нескрываемой радостью. Они пришли посмотреть на трех лошадей, с которых Боукок начал свой небольшой бизнес. И чего ради Дебора суетится вокруг этих лошадей, думала Кэтрин, смешно же это – прижимается к мордам, сюсюкает с ними, точно они люди. Это в ней инстинкт материнский бурлит впустую, думала она со злостью. Лучше бы свою энергию в палате, на больных ребятишек тратила. Хотя что с нее проку. Кэтрин хотелось поскорее вернуться в дом. Конюшня сияла чистотой, но остался терпкий запах лошадей – видно, их сегодня здорово погоняли, – почему-то он подействовал на Кэтрин возбуждающе. Один раз тонкая смуглая рука Стивена оказалась совсем близко от ее руки на шее лошади. Непреодолимое острое желание дотронуться до нее, ударить ее, даже поцеловать заставило Кэтрин закрыть глаза. А потом, в темноте, всплыли другие сладостные, смущающие воспоминания – та же рука проводит полукруг у нее на груди, она кажется еще смуглее на фоне белизны, медленно и нежно движется эта рука, предвестница наслаждения. Кэтрин, почти шатаясь, вышла в весенние сумерки, за спиной звучали медленная, нерешительная речь Боукока и энергичные голоса Макси, наперебой отвечающие ему. И снова подступил этот смертельный ужас; с тех пор как она влюбилась в Стивена, с ней такое случалось. Он накатывал неожиданно, парализуя волю и здравый смысл. В эти минуты все становилось нереальным, и она почти физически ощущала, что ее надежды рушатся, как песочные замки. Причиной своих несчастий и двусмысленного положения она считала Дебору. Дебора – ее враг. Дебора-то была замужем, ей-то улыбнулось счастье. Дебора, хорошенькая, эгоистичная и пустая. Кэтрин прислушивалась в сгущающихся сумерках к голосам, в ней клокотала ненависть, доводя ее до одурения.

Когда они вернулись в Мартингейл, она взяла себя в руки, мрак и ужас отступили. Теперь она снова чувствовала себя спокойно и уверенно. Рано пошла спать и, вконец успокоившись, почти поверила, что он придет к ней. Нет, он не посмеет этого сделать в отчем доме, убеждала она себя, это было бы безумием с его стороны, а с ее – смертельным оскорблением для тех, кто оказал ей гостеприимство. Но тем не менее она ждала его в темноте. Через какое-то время она услышала звук шагов по лестнице – его и Деборы. Брат и сестра тихонько смеялись. Они даже не замедлили шаг, проходя мимо ее дверей.

2

Наверху, в спаленке с низким потолком и белыми стенами, где он спал с пеленок, Стивен лег на кровать.

– Устал, – сказал он.

– Я тоже. – Дебора зевнула и присела к нему. – Мрачноватый ужин получился. Зря его мама устраивала.

– Они все чудовищные лицемеры.

– А кем же им еще быть? Так уж их воспитали. Эппи и мистер Хинкс, по-моему, их не хотели обидеть.

– Зато я выглядел довольно глупо, – сказал Стивен.

– Ты разбушевался, точно сэр Галаад[2 - Один из рыцарей Круглого стола, воплощение рыцарских добродетелей.], бросился на защиту обиженной горничной, только она скорее грешница, а не обиженная.

– Она тебе не нравится? – спросил Стивен.

– Дорогой мой, да я и не задумывалась над этим. Она работает у нас, и ладно. Понимаю, я кажусь тебе ретроградкой, ты ведь у нас прогрессивных взглядов, но я не это имела в виду. Она мне безразлична, совершенно безразлична, равно

как и я, полагаю, ей.

– Мне жаль ее. – В голосе Стивена прозвучала резкая нота.

– Это было и слепому видно во время ужина, – сказала холодно Дебора.

– Меня доконало их проклятое самодовольство. И эта Лидделл. Как можно было назначать старую деву смотрительницей приюта Святой Марии?

– Не понимаю, а почему бы и нет? Может, она женщина и не очень умная, но добрая и честная. К тому же ее подопечные, по-моему, уже пострадали от чрезмерного увлечения сексом.

– О Дебора, ради всех святых, не злословь!

– А что ты хочешь – чтобы я умилялась? Мы видимся с тобой раз в две недели. Мне лично тяжеловато высиживать на этих маминых приемах, наблюдать, как Кэтрин и мисс Лидделл пересмеиваются, поскольку уверены, что ты без ума от этой смазливой горничной. От подобной пошлости Лидделл получает особое наслаждение. Завтра же весь разговор за столом станет достоянием местных жителей.

– С ума они сошли, что ли? Я видел девушку мельком, не помню, говорил ли с ней. И выдумают же такое!

– И я так считаю. Бога ради, милый, попридержи свои рыцарские чувства, пока ты дома. Неужели нельзя сублимировать социально-общественные порывы в больнице, чтобы не выплескивать их дома? Не очень-то приятно наблюдать, как ты бурлишь, особенно тем из нас, у кого чувства отсутствуют.

– Я сегодня не в себе, – сказал Стивен. – Не знаю, как мне быть.

Дебора, как всегда, моментально поняла, о чем говорит брат.

– Она страшная зануда, правда? Почему бы тебе не подвести черту под вашим романом? Изящно, конечно. Думаю, с некоторыми романами не стоит тянуть.

– Ты отлично знаешь, что это именно такой роман, вернее, был роман. Но что я должен сделать?

– Для меня это никогда не составляло особого труда. Вся хитрость в том, чтобы заставить другого поверить, что инициатива исходит от него. А спустя несколько недель я почти верю в это сама.

– А если не сработает?

– Люди умирают, и черви съедают их, но умирают они не от любви.

Стивену хотелось спросить, когда ей удастся убедить Феликса Герна – если вообще удастся – в том, что это он первый решил расстаться с Деборой. В подобных делах, как и в прочих других, Дебора проявляет завидную жестокость.

– А я малодушничаю в таких ситуациях, – сказал он. – Мне трудно отделаться от человека, даже если он меня раздражает.

– Вот именно, – подхватила сестра. – И это твоя беда. Слишком слабовольный и слишком впечатлительный. Пора тебе жениться. Мамочка просто мечтает об этом, правда. На ком-нибудь с состоянием, если подвернется, но чтоб не до омерзения богатой была, а в меру.

– Без сомнения. Но на ком?

– Действительно, на ком же?

Неожиданно Дебора утратила интерес к теме. Она вскочила, подошла к окну и облокотилась о подоконник. Стивен смотрел на ее профиль, такой похожий на его и при этом загадочно другой, вырисовывающийся на темном фоне ночи. Горизонт прорезали вены и артерии угасающего дня. Из сада доносилось благоухание – мощная, бесконечно сладостная волна запахов английской весенней ночи. Лежа в прохладной темноте, он прикрыл глаза и отдался покою Мартингейла. В подобные минуты ему становилось понятно, почему мама и сестра так хлопочут, чтобы сберечь ему наследство. Он первый в их роду занялся медициной. Поступил как счел нужным, а близкие согласились с его выбором. С таким же успехом он мог бы выбрать еще менее перспективное

ремесло, хотя трудно представить, какое именно. Со временем, если он уцелеет в этой мясорубке, в бешеной погоне за успехом, и обойдет конкурентов, и ему повезет, он станет консультантом. Может, даже преуспеет и будет сам содержать Мартингейл. А пока что они из кожи вон лезут, экономят на чепухе, но ни в чем не отказывают ему, сами ковыряются в саду и огороде, чтобы сберечь три шиллинга – часовую оплату старого Первиса. Нанимают неумелых девчонок помогать Марте. Все это особо его не смущало, зато служило доказательством, что он, Стивен Макси, стал преемником своего отца, так же как тот стал преемником своего. Если б можно было наслаждаться красотой и покоем Мартингейла, не обременяя себя чувством долга и ответственности!

На лестнице послышались медленные, осторожные шаги, потом в дверь постучали. Пришла Марта с вечерним горячим молоком. Когда Стивен был маленьким, старая няня решила, что горячее молоко на ночь избавит от кошмарных снов – они с Деборой какое-то время, впрочем совсем недолго, очень от них страдали. Потом кошмары сменились более ощутимыми отроческими страхами, но горячее молоко так и вошло в привычку. Марта вслед за своей сестрой твердо верила, что от ночных – настоящих и воображаемых – опасностей может защитить лишь одно-единственное средство. Она осторожно поставила маленький поднос с чашкой из веджвудского фарфора, из которой пила Дебора, и старой кружкой, изготовленной ко дню коронации Георга V, которую Стивену купил еще дед.

– Принесла вам еще овалтин[3 - Фирменное название порошка для приготовления шоколадно-молочного напитка.], – сказала Марта. – Я так и подумала, что вы здесь.

Она говорила приглушенным голосом, точно заговорщица. Стивен забеспокоился – вдруг она угадала, что речь шла о Кэтрин? Точно как с их старой милой нянькой – та приносила питье на ночь и охотно задерживалась поболтать. Нет, так, да не совсем. Марта, конечно, преданная, но зажатая, с ней труднее. Это подделка, не то простое чувство, которым дышишь, как воздухом. Памятуя об этом, тем не менее он счел, что Марта заслужила похвалы.

– Дивный ужин был, Марта, – сказал он.

Дебора отвернулась от окна, обвила пальцами с алыми ногтями кружку с дымящимся молоком.

– Жаль, что разговоры, которые велись за столом, были намного хуже вашей стряпни. Мисс Лидделл прочитала нам лекцию о социальных последствиях нарушения закона. Как вам Салли, Марта?

Стивену этот вопрос показался глупым. Что это с Деборой?

– Вроде неплохая девушка, – сказала Марта, – но рано еще судить, конечно. Мисс Лидделл ее нахваливала.

– По словам мисс Лидделл, – сказала Дебора, – Салли – воплощение всех добродетелей, за одним исключением, но и оно оплошность природы, которая в темноте не разобралась, что девица окончила классическую школу.

К удивлению Стивена, в голосе сестры зазвенели горькие ноты.

– Не думаю, что все эти науки так уж нужны горничной. – Марта давала понять, что она прекрасно обходится и без них. – Надеюсь, она понимает, как ей повезло. Мэм даже отдала ей колыбель, в которой вы оба спали.

– Теперь же мы в ней не спим. – Стивен старался говорить как можно менее раздраженно. Господи, ну сколько можно обсуждать эту Салли Джапп! Но зря он Марту остановил. Такое впечатление, что осквернили не колыбель, а лично ее, Марту.

– Мы ведь ее берегли, доктор Стивен. Для внуков берегли.

– Черт побери! – сказала Дебора. Она вытерла пальцы, закапанные молоком, и поставила кружку на поднос. – Нечего внуков считать, пока их нет. Лично я не собираюсь открывать счет, а Стивен даже не помолвлен – не то что собирается обзаводиться детишками. Не исключено, что он женится на грудастой практичной санитарке, которая предпочтет купить новенькую, стерильную кроватку на Оксфорд-стрит. Спасибо, Марта, дорогая, за молоко. – Дебора улыбнулась: эти слова означали, что Марте пора уходить.

Они обменялись пожеланиями на сон грядущий, и Марта осторожно прошаркала вниз по лестнице. Когда ее шаги стихли, Стивен сказал:

– Бедняжка Марта. Мы привыкли к ней, принимаем все как должное, а ведь на ней весь дом, ей трудно. По-моему, пора нам подумать, как ее отпустить и выплачивать ей пенсию.

– С чего это? – Дебора стояла у окна.

– По крайней мере сейчас у нее есть хоть какая-то помощница, – начал уступать Стивен.

– Хоть бы Салли не мешала ей. Мисс Лидделл сказала, что ребенок просто на удивление спокоен. Но если младенец не пищит из трех ночей две, он уже хорош. Да к тому же пеленки. Вряд ли от нее много толку, если каждое утро ей приходится стирать пеленки.

– Но ведь все матери стирают пеленки, – сказал Стивен, – и тем не менее находят время для другой работы. Мне нравится эта девушка, вот увидишь, она будет Марте подспорьем, если ее оставят в покое.

– Смотри, какой рьяный заступник нашелся! Жаль только, что ты будешь торчать в своей больнице, когда начнутся неприятности.

– Какие еще неприятности? Что с вами со всеми происходит? С чего вы взяли, что Салли доставит вам неприятности?

Дебора направилась к дверям.

– Потому что, – сказала она, – она уже их доставляет, не так ли? Спокойной ночи.

Глава вторая

1

Несмотря на столь нескладное начало, первые недели пребывания Салли Джапп в Мартингейле прошли прекрасно. Придерживалась ли она того же мнения – неизвестно. Да никто и не спрашивал ее об этом. В деревне единодушно решили, что она везучая. Может, она и не испытывала должной благодарности, что частенько случается с баловнями судьбы, но ей удавалось скрыть свое равнодушие под маской кротости, почтительности и готовности учиться, а большинство людей с радостью принимают это за чистую монету. Но Марту Балтитафт было не обмануть, да и семейство Макси тоже вряд ли бы попалось на удочку. Но они были слишком заняты собственными проблемами и слишком обрадовались тому, что нежданно-негаданно забот по дому стало меньше; вот и не заметили, что беда у ворот.

Марте пришлось согласиться, что первое время малыша не было слышно. Она объясняла этот факт твердыми правилами, установленными в приюте мисс Лидделл, потому как в голове у нее не укладывалось, что девицы дурного поведения могут быть отличными мамашами. Первые два месяца Джеймс был спокойным, довольствовался тем, что его кормили в положенное время, не возвещал слишком громко о том, что проголодался, а в перерывах между кормлениями спал, пребывая в млечном благодушии. Но это не могло длиться бесконечно. С наступлением эры, как говорила Салли, «смешанного питания» Марта прибавила к своим претензиям еще несколько существенных жалоб. На кухне, казалось, все было подчинено Салли. Джимми на всех парах мчался к тому периоду детства, когда еда становится не столько приятной необходимостью, сколько возможностью проявить свой норов. Он выгибал дугой крепкую спину в высоком стуле, на который его водружали, подоткнув для надежности со всех сторон подушками, – выгибался, неистово сопротивляясь, пуская молочные пузыри и выплевывая овсяную кашу сквозь стиснутые губы в знак тотального отрицания, а потом вдруг уступал, становясь прелестным, невинным и послушным. Салли со смехом покрикивала на него, в приливе нежности тискала, ласкала и целовала, не обращая внимания на то, как Марта неодобрительно бурчит что-то. Малыш, с шапкой мелких кудряшек, орлиным носиком, почти не видным из-за пухлых, алых и наливных, как яблоки, щек, казалось, подчинил себе все на кухне Марты, точно коронованный, властный, миниатюрный цезарь. Салли подолгу играла с ребенком, и Марта частенько наблюдала по утрам такую картинку: светловолосая голова Салли склонилась над малышом, потом вдруг над ней появляется толстая ножка или ручка – знак того, что долгие часы сна Джимми канули в Лету. Сомнений не было – он

становился все привередливее. Пока что Салли удавалось справляться с порученной ей работой, удовлетворяя требования как сына, так и Марты. Миссис Макси иногда интересовалась, не слишком ли перегружена Салли, и тотчас же успокаивалась, получив ответ. Дебора ничего не замечала, а если и замечала, то хранила молчание. Как бы то ни было, понять, переутомляется Салли или нет, было трудно. Ее всегда бледное личико под тяжелой копной волос и тонкие, точно ломкие веточки, руки делали ее на вид слабой и немощной, но Марта считала это впечатление крайне обманчивым.

– Крепкий орешек и хитра, как стадо обезьян. – Таков был ее приговор.

Весна потихоньку сменилась летом. Яркой листвой зазеленели копьевидные буки, залив узорчатой тенью дороги. Священник встретил Пасху, как всегда, праздничной требой – себе на радость, а паства, как обычно, покритиковала его за убранство церкви – слишком скромно. Мисс Поллак из приюта Святой Марии мучилась бессонницей, доктор Эппс прописал ей лекарство, а две воспитанницы приюта собрались замуж за малосимпатичных, но явно раскаявшихся отцов своих младенцев. Мисс Лидделл приняла на их место еще двух согрешивших матерей. Сэм Боукок разрекламировал своих лошадей в пригороде Чадфлита, и, к его удивлению, много парней и девиц в новехоньких огромных галифе и ярко-желтых перчатках заявили о своей готовности платить по семь шиллингов шесть пенсов в час за то, что станут ездить верхом по деревне под его руководством. Саймон Макси лежал в своей узкой постели, состояние его не менялось. Стали длиннее вечера, зацвели розы. Сад в Мартингейле полнился их ароматом. Когда Дебора срезала цветы, чтобы поставить в доме, ей казалось, что сад и Мартингейл словно чего-то ждут. Дом летом всегда становился особенно красив, но нынче она чувствовала, он будто затаился, быть может, в ожидании чего-то неприятного, чуждого его прохладной безмятежности. Неся розы в дом, Дебора постаралась освободиться от этого странного наваждения, сказав себе, что самое страшное, что предстоит Мартингейлу, – это ежегодный церковный праздник. В голове вдруг мелькнули слова: «Смерть на пороге», но она одернула себя – отцу ведь не стало хуже, может быть, даже немного лучше, дом не может не знать. Она понимала, что любовь ее к Мартингейлу не поддается разуму, иногда она пыталась охладить эту свою привязанность, твердила себе, что наступит время – и «нам придется его продать», словно сам звук слов мог служить охранной грамотой, талисманом.

Ежегодно в июле в Мартингейле церковь Святого Седа[4 - Сокр. от Седраха. См. притчу о трех отроках – Седрахе, Микахе и Авденаго, – товарищах пророка

Даниила: «И дяаровал Бог четырем сим отрокам знание и разумение всякой книги и мудрости, Даниилу еще даровафл разуметь всякие видения и сны» (Книга пророка Даниила, 1:17).] устраивала праздник своего святого, еще со времен прапрадеда Стивена. Проводил его комитет, в который входили викарий, миссис Макси, доктор Эппс и мисс Лидделл. Их административные обязанности никогда не были слишком сложными, поскольку праздник, как и церковь, для поддержания которой его и устраивали, оставался неизменным из года в год – символ незыблемости среди хаоса. Но члены комитета относились к своей миссии весьма серьезно и в июне – начале июля частенько встречались в Мартингейле, чтобы в саду за чашкой чаю принять решения, которые они уже принимали в прошлом году, слово в слово, в том же самом приятном окружении. Единственный человек в этом комитете, кто действительно болел за дело душой, был викарий. Человек мягкий и добрый, он стремился в каждом увидеть его самые лучшие качества, при каждом удобном случае приписать ему благородные порывы. Он посвятил свою жизнь этому поиску, с самого начала уразумев, что благотворительность – в равной мере политика и добродетель. Но раз в год мистеру Хинксу приходилось сталкиваться с некоторыми неприятными фактами, касающимися его церкви. Его волновало, что праздник этот взбудоражит, окажет отрицательное действие на суматошных жителей пригорода Чадфлита, боялся, что он станет скорее социальным, чем духовным событием. Он предложил начать и закончить праздник молитвой и гимном, но это нововведение поддержал один-единственный член комитета, миссис Макси, больше всего опасавшаяся, что он затянется до бесконечности.

В этом году миссис Макси будет помогать услужливая Салли. Охотников участвовать в празднике была уйма, хотя некоторые из них норовили извлечь из него максимум удовольствия, приложив минимум энергии, но хлопоты не ограничивались успешной организацией самого праздника. Большинство членов комитета непременно будут приглашены на ужин в Мартингейл; Кэтрин Бауэрз сообщила письмом, что в субботу, на которую приходится праздник, у нее выходной, и интересовалась, не будет ли с ее стороны бесцеремонностью, если она приедет на «один из ваших прелестных уик-эндов, чтобы побыть вдали от грохота и пыли жуткого города». Письмо подобного рода не было первым. Кэтрин всегда больше рвалась к детям, чем дети – к Кэтрин. При других обстоятельствах ничего особенного в этом и не было бы. Только Стивену эта встреча совсем ни к чему, тем более что бедняжка Кейти спала и видела, как бы поудачнее пристроить замуж свою единственную дочку. Сама-то она вступила, как считалось, в неравный брак. Кристиан Бауэрз был художником – таланта у него было больше, чем денег, и никаких претензий, кроме как на гениальность. Миссис Макси он сразу же не понравился, но в отличие от его супруги она

поверила в его талант. И купила для Мартингейла одно из его ранних полотен с лежащей обнаженной женщиной, оно висит теперь у нее в спальне и доставляет ей наслаждение, вот она и расплачивается за него сердечным гостеприимством, которое она оказывает время от времени его дочери. Для миссис Макси полотно это служило наглядным примером безрассудства неудачного брака. Но поскольку радость, которую она получала, любуясь им, не угасала и поскольку когда-то она училась вместе с Кейти Бауэрз в одной школе и дорожила старой дружбой, она понимала, что Кэтрин следует пригласить в Мартингейл если не для ее детей, то для нее самой.

Но ее беспокоили другие обстоятельства. Миссис Макси не придавала особого значения так называемой общей атмосфере. Она сохраняла невозмутимость, руководствуясь здравым смыслом, обращая внимание на те трудности, которые были слишком явными, чтобы их не замечать, и не замечала все прочие.

То, что происходило в Мартингейле, невозможно было не видеть. Конечно, некоторых событий следовало ожидать. Миссис Макси, при всей своей невозмутимости, не могла не понимать, что Марта и Салли с трудом уживаются на кухне. И что временами Марте бывает несладко. Но чего она никак не ожидала, так это того, что по прошествии нескольких недель ситуация станет просто невыносимой. После длинной вереницы необученных и необразованных горничных, которые нанимались в Мартингейл, потому что другого выхода у них не было, Салли являла собой образец сообразительности, ловкости и изящества. Ей можно было отдавать распоряжения с полной уверенностью, что они будут выполнены, тогда как другим приходилось вдалбливать до головной боли, и пока наконец те соображали, чего от них ждут, самой легче было все сделать.

Не нуждайся Саймон Макси в круглосуточном уходе, на Мартингейл, наверное, снизошло бы ощущение блаженного безделья, как в довоенную бытность. Доктор Эппс предупредил, что долго они не выдержат, надо будет или сиделку приглашать, или положить его в больницу. Миссис Макси отвергла оба варианта. Первый – очень дорого обойдется, сиделка всех стеснит, да и неизвестно, на сколько времени она понадобится. Второй означал, что Саймон Макси обречен встретить смерть на чужих руках, а не в стенах родного дома. Частная больница или отдельная палата семье не по карману. Значит, речь идет о койке в местной больнице для хроников, в здании барачного типа, где палаты переполнены, а медперсонала не хватает. Еще до начала финишной прямой Саймон Макси спросил у нее однажды шепотом:

– Ты не позволишь им меня забрать, Элеонора?

– Конечно же, нет, – ответила она.

И он заснул, заручившись ее обещанием, которое, они оба понимали это, выполнить будет непросто. Жаль, что Марта забыла, как она надрывалась до появления Салли. Теперь-то у нее есть время и силы критиковать помощь, которую она с такой готовностью согласилась принять. Но она перешла в открытое наступление. Раньше втихомолку злилась, а ворчать вслух себе не позволяла. Обстановка на кухне накалилась, думала миссис Макси, после праздника надо будет навести порядок. Но пока она не торопилась, до праздника оставалась всего неделя, ее главной заботой было, чтобы он удался.

2

В четверг перед праздником Дебора отправилась в Лондон за покупками, перекусила с Феликсом Герном у него в клубе и пошла с ним на Бейкер-стрит на дневной сеанс посмотреть фильм Хичкока. Эта приятная программа закончилась чаем в ресторане «Мейфэр», славящемся отличной кухней. Уплетая сандвичи с огурцами и фирменные шоколадные эклеры, Дебора думала: день получился шикарный, хоть вкусы у Феликса пошловаты. Но он держался просто великолепно. В том, что не заводишь с мужчиной роман, есть свои преимущества. Если бы они были любовниками, пришлось бы тащиться к нему домой в Гринвич, – он бы не упустил случая, любовная связь накладывает точно такие же жесткие и неукоснительные обязательства, как и брачный союз.

Заниматься любовью, что и говорить, дело приятное, но ей было больше по вкусу легкое, ни к чему не обязывающее общение, которым они сейчас наслаждались.

Не хотела она снова влюбляться. Месяцы сокрушительных страданий и отчаяния вылечили ее от этого наваждения. Она рано вышла замуж, и не прошло года, как Эдвард Рискоу умер от полиомиелита. Теперь же надежным фундаментом жизни она полагала брак, строящийся на дружеских отношениях, общих взглядах и сексе, который доставлял бы радость обоим, к тому же считала, что выходить замуж надо так, чтобы не слишком много тратить на эту затею душевных сил. Феликс, она подозревала, был влюблен в нее – настолько влюблен, что с ним

было интересно, но он не докучал своей страстью, и она лишь изредка всерьез задумывалась над надвигающимся на нее предложении руки и сердца. Даже странно, что он до сих пор не сделал его. Нет, он не избегал женщин, она знала это. Почти все считают его убежденным холостяком, чудаковатым, немного педантом и бесконечно забавным. Они могли бы позволить себе и более резкие замечания, но за ним – его военное прошлое, и со счетов это не сбросишь. Мужчина не может быть неженкой или дураком, раз у него французские и английские награды за участие в Сопротивлении. Он был среди тех, чье мужество, эту самую почитаемую и самую славную добродетель, испытывали в застенках гестапо. И больше не надо было подвергать его проверке. Сейчас вроде бы не принято думать об этом, но начисто его прошлое не вычеркнуть из памяти. Никто не знал, что делал Феликс Герн во Франции, но ему прощались его чудаковатые привычки, а он, судя по всему, получал от них удовольствие. Он нравился Деборе, был умным, забавным и отчаянным сплетником. Его, точно женщину, интересовали все перемены, все события, он до тонкостей разбирался в человеческих отношениях. Самые заурядные житейские мелочи ему были интересны, вот и сейчас он слушал рассказ Деборы о Мартингейле и живо реагировал на каждое ее слово.

– Так что сами понимаете, какое блаженство для меня немного передохнуть, но уверена, долго оно не продлится. У Марты скоро лопнет терпение. Я ее не виню. Она терпеть не может Салли, да и я тоже.

– Почему? Салли сделала ставку на Стивена?

– Не говорите пошлостей, Феликс. Неужели, по-вашему, я могу опуститься до ревности к прислуге? Хотя, судя по всему, он действительно ей нравится, и она идет на разные хитрости. Всякий раз, когда Стивен приезжает, она обращается к нему за советами насчет ребенка, хотя я старалась втолковать ей, что он хирург, а не детский врач. А бедняжка Марта слова не может сказать о Стивене – Салли тут же бросается его защищать. Сами убедитесь в субботу.

– А кто еще будет, кроме интриганки Салли Джапп?

– Конечно же, Стивен. И Кэтрин Бауэрз. Вы ведь познакомились с ней в ваш последний приезд в Мартингейл.

– Да, конечно. Глаза навыкате, но личико смазливенькое и умненькое, она умнее, чем вам со Стивеном хотелось бы думать.

– Если она произвела на вас такое неизгладимое впечатление, – парировала Дебора весело, – у вас есть шанс в этот свой приезд выразить ей свое восхищение, а Стивену устроить отставку. Он переусердствовал с ней, и теперь она липнет к нему, а ему это уже осточертело.

– Невероятно, до чего хорошенькие женщины бывают жестоки, когда хотят кого-то унизить! А под «переусердствовал» вы имеете в виду, что он соблазнил ее? Да, как правило, это ведет к осложнениям, но он сам должен найти выход из положения, как это сделал его более везучий предшественник. Я все равно приеду. Я люблю Мартингейл и ценю хорошую кухню. К тому же есть у меня подозрение, что нас ждет в эти выходные сюрприз. Дом, переполненный ненавидящими друг друга людьми, грозит взорваться.

– Что вы, положение не столь катастрофично!

– Но на грани того. Стивен не выносит меня. Он не удосуживается даже это скрывать. Вы не выносите Кэтрин Бауэрз. Она не выносит вас и, не исключено, эти же чувства испытывает и ко мне. Марта и вы не выносите Салли Джапп, а она, бедняжка, не исключено, проклинает вас всех. И это трогательное существо мисс Лидделл будет там, а ее ненавидит ваша матушка. Предстоит шабаш подавляемых страстей.

– Можете не приезжать. Будет даже лучше, если вы не приедете.

– Но, Дебора, ваша матушка уже пригласила меня, и я принял приглашение. Я послал ей на прошлой неделе в высшей степени учтивое письмо, – знаете, как я умею, – и сейчас помечу в своей черной записной книжке, что дело это одно из самых важных.

И он наклонил гладкую светловолосую голову над записной книжкой. Его бледное лицо, такое бледное, что линия лба, где начинались волосы, была почти невидимой, было повернуто к ней профилем. Она отметила, как выделяются на бледном лбу брови и сетки морщин вокруг глаз. Должно быть, у него были красивые руки, подумала Дебора, до того, как гестапо поиграло с ними. Ногти с тех пор не росли. Она попыталась представить себе, как эти руки двигаются по

прикладу ружья, держатся за узлы парашюта, сжимаются в кулаки, когда он сопротивляется или упорствует. Не получилось. Казалось, не осталось ничего общего у Феликса, пострадавшего за дело, которому верил, с этим уступчивым, искушенным, язвительным Феликсом Герном из семьи издателей Гернов и Иллингвортов, так же как не было ничего общего между девчонкой, вышедшей замуж за Эдварда Рискоу, и той женщиной, какой она теперь стала. Внезапно на Дебору снова накатила ее malaise[5 - Болезнь (фр.).] – тоска и печаль. Она с тоской наблюдала, как Феликс записывает на субботу предстоящее свидание своей изуродованной рукой, ровным почерком, точно назначает свидание со смертью.

3

После чая Дебора решила навестить Стивена, отчасти потому, что не хотела ехать домой в час пик, но, главное, потому, что она почти всегда во время своих приездов в Лондон посещала больницу Святого Луки. Она предложила Феликсу составить ей компанию, но он отказался, объяснив, что от запахов лекарства ему становится плохо, и посадил ее в такси, как всегда рассыпавшись в благодарностях за встречу. Он был педантично постоянен в этом. Дебора торопилась отделаться от малоприятных подозрений, что его утомила ее болтовня; слава богу, наконец-то она едет – машина удобная, быстрая, она повидает Стивена. К ее огорчению, в больнице его не оказалось. Не похоже на него. Колли, дежурный по вестибюлю, сказал, что мистеру Макси позвонили и он вышел с кем-то повстречаться, предупредив, что отлучается ненадолго. Его заменяет сейчас доктор Донвелл. Мистер Макси скоро должен вернуться. Его нет почти уже час. Может, миссис Рискоу пойдет в ординаторскую?

Дебора поболтала немного с Колли, которому симпатизировала, и поехала в лифте на четвертый этаж. Мистер Донвелл, робкий прыщеватый молодой регистратор, пробормотал слова приветствия и тут же ретировался в палаты, оставив Дебору наедине с четырьмя грязными креслами, неаккуратной кипой медицинских газет и не убранной после чая посудой. Похоже, они снова ели швейцарские булочки и, как обычно, под пепельницу пустили блюдце. Дебора начала было собирать тарелки, но, сообразив, что занятие это пустое, ведь она не знает, куда их девать, взяла газету и подошла к окну, решив возле него поджидать Стивена и почитать что-нибудь интересное и доступное из медицинских статей. Из окна были видны центральный вход в больницу и улица,

ведущая к ней. Вдали блестела излучина реки и высились башни Вестминстера. Непрерывный гул машин, здесь не такой навязчивый, служил приглушенным фоном больничных звуков – хлопали дверью лифта, звонили телефоны, кто-то торопливо шел по коридору. К входным дверям поликлиники вели пожилую женщину. С высоты четвертого этажа фигуры внизу казались укороченными. Дверь в поликлинику беззвучно закрылась и так же беззвучно открылась. И вдруг она увидела их. Сначала – Стивена, потом огненно-рыжую голову на уровне его плеча. Она не могла ошибиться. Они остановились возле угла здания. Похоже, разговаривали. Темноволосая голова наклонилась к рыжей. Минуту спустя они попрощались за руку, потом Салли повернулась в сиянии солнечных лучей и быстро двинулась прочь, даже не оглянувшись. Дебора ничего не упустила. На Салли был серый костюм. Ширпотреб, конечно, небось на распродаже купила, но сидит на ней превосходно и прекрасно оттеняет сияющий каскад волос, свободных от наколки и шпилек.

Она не глупа, думала Дебора. Соображает, что надо носить скромное платье, если хочешь так распустить волосы. Соображает, что не надо носить зеленое, как большинство рыжих делает. Соображает, что лучше попрощаться, не заходя в больницу, отказавшись от приглашения на ужин, во время которого непременно получится какая-нибудь накладка. Потом Дебора удивлялась, как это она запомнила, в чем Салли была одета. Словно впервые глянула на нее глазами Стивена, и увиденное напугало ее. Вечность прошла, пока она услышала стук дверцы лифта и его быстрые шаги по коридору. И вот он рядом. Она не отошла от окна, пусть знает, что она их видела. Ужасно, если он ей ничего не объяснит, даже хорошо, что так все вышло. Она не знала, каких ждет от него объяснений, но его слова поразили ее.

– Ты видела это раньше? – спросил он.

На его протянутой ладони лежал мешочек, сделанный из мужского носового платка, углы которого были завязаны в узел. Он высвободил один уголок, встряхнул, из мешочка высыпались три-четыре крошечные таблетки. Серо-коричневые, не спутаешь ни с чем.

– Это папины таблетки? – Такое впечатление, что он ее в чем-то обвиняет. – Откуда они у тебя?

– Салли нашла и принесла мне. Наверно, ты нас видела из окна.

– Кому она ребенка пристроила? – Глупый, не относящийся к делу вопрос вырвался раньше, чем она успела подумать.

– Ребенка? Ах, Джимми! Не знаю. Оставила у кого-нибудь в деревне, или с мамой, или с Мартой. Она приехала показать мне таблетки, позвонила с Ливерпул-стрит и попросила о встрече. Нашла их в постели отца.

– Как это в постели?

– Под матрасом. Внизу, сбоку. У него сбилась простыня, она стала ее расправлять, тут и заметила маленький сверток в углу. Отец, наверно, несколько недель их собирал, а может, и месяцев. Догадываюсь о причине.

– Он знает, что она их нашла?

– Салли думает, что не знает. Он лежал на боку, спиной к ней, пока она поправляла постель. Она положила платок с таблетками в карман и продолжала свое дело как ни в чем не бывало. Конечно, они могли там давным-давно лежать, он ведь на снотворных уже полтора года, а то и больше, не исключено, что он забыл о них. Может, он потерял даже силы и желание пить их. Мы же не знаем, что у него на уме. Беда в том, что не хотим даже попытаться узнать. Исключение составляет Салли.

– Стивен, это неправда! Мы пытаемся. Мы сидим с ним, ухаживаем за ним, делаем все, чтобы он чувствовал, что мы рядом. Но он лежит без движения, ничего не говорит, похоже, не замечает никого. Это уже не отец. Контакт с ним потерян. Я пыталась, клянусь, пыталась, но бесполезно. Нет, он этого не сделает! Не представляю, как он собрал их, как решился на такое.

– Когда ты даешь ему их, ты следишь, проглотил ли их он?

– Нет, по-настоящему не слежу. Ты же знаешь, как он злится, если мы надоедаем ему со своей опекой. А теперь уж и не пойму, раздражает его или нет, но мы даем ему таблетку, потом наливаем воду и подносим к губам. Должно быть, он спрятал их несколько месяцев назад. Не поверю, что он в состоянии сделать это сейчас. Марта бы заметила. Она чаще всех к нему поднимается, и самое тяжелое на ней.

– Значит, ему удалось обмануть Марту. Господи, Дебора, как я не догадался, ведь я считаю себя врачом. Гробовщик я, и только, гожусь лишь на то, чтобы обмерять своих клиентов, коль скоро не в состоянии видеть в своих пациентах живых людей. А для Салли он все еще живой человек.

Дебора не удержалась и тут же парировала – как раз они-то с мамой и Мартой стараются, чтобы Саймону Макси было удобно, чисто и сытно, им это немалого стоит, а вот какие такие заслуги у Салли – ей непонятно. Но уж если Стивен начинает бить себя в грудь, его не остановишь. Ему потом на душе легче делается, даже если окружающим мало удовольствия выслушивать его монологи. Она молча наблюдала, как он нашарил в ящике стола пузырек из-под аспирина, тщательно пересчитал таблетки, их было десять, бросил в пузырек, сделал на нем наклейку, записав название препарата и дозу приема. Все это он проделал автоматически, как человек, привыкший, чтобы лекарство не оставалось без наклейки. На языке у Деборы вертелись вопросы, которые она не решалась задать: «Почему Салли пришла к тебе? Почему не к маме? Она действительно нашла эти таблетки или же просто придумала удобный предлог повидаться с тобой наедине? Нет, должно быть, она нашла их. Такое ведь не придумаешь. Бедный отец! Что Салли сказала? Какое мне дело до всего этого и до Салли? Я ненавижу ее, потому что у нее есть ребенок, а у меня нет. Наконец я решилась сказать это, но от того, что я призналась, мне не легче. Этот мешочек из носового платка. Сколько же времени ему пришлось потратить, чтобы завязать его! Такое впечатление, будто его ребенок делал. Бедный отец! Когда я была маленькой, он был таким высоким! Неужели я боялась его? Господи, ну почему я не испытываю к нему никакой жалости?! Как мне хочется пожалеть его. Интересно, о чем сейчас думает Салли? Что ей сказал Стивен?»

Он отвернулся от стола и протянул пузырек:

– Возьми домой. Поставишь в его аптечку. Не говори пока ничего маме и доктору Эппсу. По-моему, разумнее будет отменить таблетки. Сейчас я возьму в аптеке другое лекарство, то же самое, только в растворе, а не в таблетках. Перед сном – одну чайную ложку, с водой. Я сам прослежу. Просто скажешь Марте, что я отменил таблетки. Когда к нему придет доктор Эппс?

– Придет вечером к маме с мисс Лидделл. Наверно, поднимется к отцу. Но не думаю, что он о них спросит. Ведь отец их принимает уже очень давно. Когда они кончаются, доктор дает новую порцию.

– А может быть, ты знаешь, сколько сейчас таблеток дома?

– Есть новый пузырек, еще не распечатанный. Мы должны были открыть его сегодня вечером.

– Оставь его в аптечке, а ему дай в растворе. Я переговорю с Эппи в субботу. Приеду завтра поздно вечером. Пойдем-ка со мной в аптеку, и отправляйся домой. Я позвоню Марте, попрошу ее оставить тебе ужин.

– Хорошо, Стивен. – Дебора не огорчилась, что не остается на ужин в больнице. Радостное настроение дня улетучилось. Пора возвращаться домой.

– И я посоветовал бы тебе ничего не говорить Салли.

– У меня и в мыслях не было. Надеюсь, она тоже попридержит язык. Не хотелось бы, чтобы это обсуждала вся деревня.

– Ну зачем ты так, Дебора, ты ведь сама не веришь, что Салли кому-то скажет. На нее можно положиться. Она приняла случившееся близко к сердцу. Очень даже.

– Не сомневаюсь.

– Не на шутку переполошилась. Она очень предана отцу.

– Эту преданность она перенесла и на тебя.

– О Господи, что ты хочешь сказать?

– Просто мне интересно, почему она не рассказала о таблетках маме или мне.

– Ты не очень-то располагаешь к откровенности, во всяком случае, ее, не так ли?

– А чего ты, собственно, ждешь от меня? Чтобы я стала ее подругой? Пока она выполняет свою работу добросовестно, я и не думаю о ней. Она мне не нравится; думаю, и я ей.

– Она тебе не просто не нравится, – сказал Стивен. – Ты ненавидишь ее.

– Она жаловалась тебе?

– Конечно, нет. Будь великодушна, Дебора. Тебя словно подменили.

«Подменили, – подумала Дебора. – Да откуда ты знаешь, какая я на самом деле?» Но в последних словах Стивена звучал призыв к миру, и она протянула ему руку:

– Прости. Не знаю, что со мной в последнее время. Уверена, Салли поступила так, решив, что это самое мудрое решение. Не стоит нам ссориться. Так, значит, тебя ждать завтра вечером? Феликс может приехать только в субботу утром, а Кэтрин ждут к ужину.

– Не волнуйся. Я приеду последним автобусом. Мы покатаемся на лошадях до завтрака, если пригласишь составить тебе компанию.

Хотя их прогулки давно стали приятной привычкой, официальный тон, с каким он сделал это предложение, не остался незамеченным Деборой. Слишком шаткий мостик переброшен через пропасть между ними. Стивен тоже, Дебора догадывалась, чувствовал, что под ногами похрустывают льдинки. Никогда с момента смерти Эдварда Рискоу Стивен не был таким чужим, и никогда он не был ей так нужен.

4

Наконец около половины восьмого Марта услышала скрип колес коляски Джимми на подъездной аллее. Она давно уже прислушивалась. Джимми тихонько ныл, лишь мерное покачивание коляски и мамины уговоры удерживали его от воплей.

Скоро в окне мелькнула Салли, подкатила коляску к кухне и тотчас появилась в дверях с малышом. Девушка с трудом скрывала переполнявшие ее чувства. Она была возбуждена, но, судя по всему, довольна собой. Вряд ли она так ликует из-

за того, что Джимми прокатился лесной тропой, подумала Марта.

– Что-то поздно ты, – сказала Марта. – Ребенок небось проголодался, бедняжка.

– Но ему не придется больше ждать, верно, дорогуша? Молоко, наверно, вскипятили?

– Заруби себе на носу, Салли, я здесь не для того, чтобы ждать, когда ты явишься. Тебе нужно молоко, сама и кипяти. Прекрасно знаешь, когда надо кормить ребенка.

На том и замолчали; Салли вскипятила молоко и торопилась его остудить, держа Джимми на руках. Только когда Салли собралась нести малыша наверх, Марта заговорила.

– Салли, – сказала она, – ты что-нибудь брала из постели хозяина, когда застилала ее утром? Что-нибудь из его вещей? Говори правду!

– По вашему тону ясно, что вы все знаете. Неужели вы знали про те таблетки? И молчали?

– Конечно, знала. Я ведь ему пять лет прислуживаю. Кому ж еще, как не мне, знать, что он делает и что у него на уме? Небось решила, что он может их выпить. Не волнуйся. Не смей свой нос совать. Доведись тебе лежать вот так, годами, в постели, может, и тебе было бы утешением, что у тебя кое-что припрятано, скажем, несколько таблеток, которые избавят тебя от страданий. Припрятано кое-что, о чем никто и не подозревает, пока какая-нибудь дура набитая, сучка, да и только, другим словом не назовешь, не пронюхает. Уж такая умная, дальше некуда! Да он и не стал бы их принимать. Он джентльмен! Тебе и этого не понять. Верни-ка мне лучше таблетки. А если хоть кому проболтаешься или притронешься к его вещам, я тебя в два счета выставлю. Тебя и это отродье. Уж я найду способ, будь уверена!

Она протянула руку к Салли. Голоса она ни разу не подняла, но ее спокойная уверенность еще больше пугала, чем гнев, и в голосе Салли, когда она отвечала, дрожали истерические нотки.

– Боюсь, вас ждет неудача. Нет у меня таблеток. Сегодня днем я отдала их Стивену. Да, Стивену! Слушаю, что вы мелете, и радуюсь, что отдала их. Хотела бы я посмотреть на Стивена, когда он узнает, что вы все давным-давно знали. Дорогая, преданная старушка Марта! Такая преданная семейству Макси! Да плевать вы хотели на всех их, вместе взятых, старая лицемерка, разве что для хозяина сделали исключение. Посмотрели бы на себя со стороны! Моет его, ласкает, кудахчет над ним, точно над ребенком. Я от смеха готова лопнуть, только уж больно жалкое зрелище. Срамотища! Его счастье, что у него крыша поехала. Да любой бы свихнулся, окажись у вас в лапах!

Она ушла, прижав малыша к бедру; Марта услышала, как грохнула дверь.

Она наклонилась над раковиной, вцепилась в нее дрожащими пальцами. Ее сотряс внезапный приступ рвоты, но легче от этого ей не стало. Она приложила руку ко лбу – привычный жест отчаяния. Посмотрела на пальцы, мокрые от рвоты. Она пыталась взять себя в руки, но в ушах звучал тонкий детский голосок: «Да любой бы свихнулся, окажись у вас в лапах… окажись у вас в лапах… окажись в лапах». Когда дрожь улеглась и тошнота прошла, ее охватила ненависть. Она начала строить коварные планы мести. Представляла, как Салли опозорена и ее с ребенком выгоняют из Мартингейла, раскусив ее – лживую, злую, порочную. Да чтоб она сдохла, эта Салли, мечтала Марта – а мечтать кто запретит?

Глава третья

1

Погода в последние недели все время менялась, разве что только снег не шел; а сейчас стала теплой, обычной для летней поры. Может, в день праздника будет сухо, а то и солнечно. Натягивая галифе – она собиралась на прогулку со Стивеном, – Дебора увидела из окна красные и белые палатки и разбросанные по лужайке не до конца еще сколоченные прилавки, которые предстояло украсить гофрированной бумагой и флажками. Чуть дальше на поляне уже обнесли

площадку для детских спортивных соревнований и танцев. Под вязами установили старенькую машину с громкоговорителем, и змейки проволоки, вьющиеся по дорожкам и цепляющиеся за деревья, свидетельствовали о попытках местных заядлых радиослушателей установить усилительную систему для музыки и разного рода объявлений. Дебора отдохнула за ночь и теперь стоически переносила эту суету. По опыту своему она уже знала – закончится праздник, и глазу предстанет совсем иное зрелище. Как бы люди ни старались вести себя аккуратно, – правда, многим доставляет удовольствие, когда вокруг коробки из-под сигарет, огрызки фруктов, – по меньшей мере неделю потом приходится пыхтеть, чтобы сад перестал казаться поруганным. Цепочки флажков, натянутые от одной зеленой стены к другой, и так уже придавали купе деревьев неподобающее легкомыслие, а грачи, к ужасу своему, оказались втянутыми в еще больший шум, чем обычная перебранка.

Кэтрин, когда она погружалась в мечтания о празднике в Мартингейле, больше всего хотелось помогать Стивену – она представляла, как он, окруженный цветом чадфлитского общества, людьми яркими, мыслящими и неравнодушными, выводит своих лошадей. У Кэтрин, конечно, были весьма колоритные, но явно устаревшие представления о роли и месте семейства Макси в чадфлитском обществе. Но эти радужные мечты разбились о непоколебимую убежденность миссис Макси, что ее гостям надлежит быть там, где они более всего нужны. А нужны они у прилавка с белым слоном. Когда Кэтрин пришла в себя от разочарования и обиды, к удивлению своему, она обнаружила, что ей и здесь очень интересно. Все утро она провозилась с товаром, сортировала, оценивала – ведь им все это добро продавать. Дебора точно знала, что почем и кто что купит, да оно и понятно – опыт немалый, к тому же почти все она сама раздобыла. Сэр Рейнольд Прайс пожертвовал большое ворсистое пальто с отстегивающейся водонепроницаемой подкладкой, которое она немедленно отложила в сторону, чтобы оно попало прямиком доктору Эппсу. Ему на зиму именно такое пальто нужно – ведь приходится мотаться в открытом автомобиле; когда ты за рулем, кому какое дело, в чем ты. Еще там была старая фетровая шляпа, принадлежащая самому доктору, которую его помощник безуспешно пытался сбыть во время этих ежегодных распродаж, но она неотвратимо возвращалась к своему сердитому хозяину. Стоила она шесть пенсов и была выставлена на всеобщее обозрение. Были там также свитера ручной вязки сногсшибательных рисунков и цветов, бронзовые безделушки и фарфор с каминных полок местных жителей, связки книг и журналов и потрясающая коллекция гравюр в тяжелых рамах, на тоненьких медных пластинках были выгравированы подобающие случаю названия. К примеру: «Первое любовное послание», «Любимица папочки», гравюры-близнецы, выполненные в весьма

изысканной манере, под названием «Ссора» и «Примирение», а также несколько сценок, изображающих солдат: или целующих своих жен на прощание, или же предающихся более целомудренным радостям при новой встрече. Дебора предсказывала, что они будут пользоваться особым спросом, и объявила, что одни только рамки стоят полкроны каждая.

К часу дня все приготовления были закончены, домочадцы торопливо перекусили, прислуживала им Салли. Кэтрин вспомнила, что утром Марта сердилась: горничная проспала. Судя по разгоряченному виду, Салли пришлось попотеть, чтобы наверстать упущенное время; к тому же, подумала Кэтрин, она, видно, чем-то взволнована, хотя и старается выглядеть покорной и расторопной. Трапеза прошла довольно мирно, поскольку всех объединяли общие хлопоты и при этом каждый был занят своим делом. В два часа приехали епископ с супругой, члены комитета сошли с веранды гостиной, сели, немного робея, в кружок на приготовленные для них стулья; так произошло официальное открытие праздника. Епископ был стар и уже не служил в церкви, но сенильным стариком пока еще не стал – его короткая речь представляла собой образец простоты и благородства. Слушая его приятный старческий голос, Кэтрин впервые подумала о церкви с интересом и теплом. Вон норманнская купель, около которой они со Стивеном будут стоять во время крещения детей. А в этих боковых приделах покоится прах его предков. Вот коленопреклоненные фигуры Стивена Макси и его жены Деборы, навеки застывшие в камне – лицом друг к другу, руки сложены в молитве. Там же выполненные в каноне бюсты других Макси шестнадцатого века и просто плиты, оповещающие о гибели сыновей на Галлиполи[6 - Галлиполийская операция (1915 г.) – высадка англо-французского десанта на Галлиполийский полуостров, окончившаяся поражением десанта.] и на Марне[7 - Марнское сражение (1918 г.) – сражение между войсками Антанты и США и германскими войсками, окончилось поражением немцев, и инициатива окончательно перешла в руки союзников.]. Кэтрин часто думала о том, что погребения усопших членов семьи становились все менее пышными с тех пор, как церковь Святого Седа и Святой Марии в Чадфлите стала не столько местом паломничества, сколько личной усыпальницей останков Макси. Но сегодня, будучи в приподнятом настроении, преисполненная доверием ко всем, она думала о членах этой семьи, живых и мертвых, без тени насмешки, и даже барочный экран за алтарем и коринфский ордер[8 - Один из видов архитектурной композиции, в классической архитектуре различается несколько ордеров, среди них – коринфский.] она воспринимала как знаки особых заслуг Макси.

Дебора встала с Кэтрин за прилавок. Подходили покупатели, осторожно перебирали товары в поисках нужного, народу собралось уйма, дело спорилось. Доктор Эппс пораньше явился за своей шляпой, а его в два счета уговорили купить пальто сэра Рейнольда за один фунт. Белье и обувь буквально расхватали, Дебора точно угадала, кто что купит. Кэтрин отсчитывала сдачу, раскладывала на прилавке товары, извлеченные из большой коробки, которую они держали внизу. Люди маленькими группками входили через главные ворота, ребятишки натужно улыбались, потому что фотограф пообещал приз «ребенку, который выглядит самым счастливым», – бесплатный вход в вожделенные ворота. Громкоговоритель превзошел все ожидания, из него яростным потоком лились марши и вальсы Штрауса, объявления касательно угощения и соревнований, советы пользоваться корзинками для мусора, чтобы не засорять сад. Мисс Лидделл и мисс Поллак с помощью самых невзрачных, самых старших и самых исполнительных из числа своих противных, непослушных девчонок метались от церкви Святой Марии к саду и обратно, следуя зову совести и долгу службы. В их ларьке продавали очень дорогие товары, к примеру, ручной работы нижнее белье, ставшее жертвой странного компромисса привлекательности с благопристойностью. Викарий со взмокшими от волнения седыми волосами лучился радостью, лицезрея свою паству, которая наконец-то пришла в согласие со всем миром и друг с другом. Сэр Рейнольд, снисходительный, говорливый и великодушный, приехал попозже. С лужайки, где готовились к чаю, доносились озабоченные голоса – миссис Коуп и миссис Нельсон с помощью мальчиков из воскресной школы расставляли карточные столики, стулья из холла, расстилали скатерти, которым потом предстояло вернуться к своим хозяевам. Феликс Герн наслаждался ролью вольного стрелка. Раза два он предлагал свою помощь Деборе и Кэтрин, но не скрывал, что ему больше нравится с мисс Лидделл и мисс Поллак. Подошел Стивен, поинтересовался, как идут дела.

Для человека, который имел обыкновение называть этот праздник «проклятием семейства Макси», он выглядел вполне веселым. В начале пятого Дебора отправилась домой справиться, не нужно ли что папе, оставив Кэтрин командовать парадом. Приблизительно через полчаса Дебора вернулась и предложила пойти перекусить. Столы накрыли в палатке побольше; опоздавшим, предупредила Дебора, придется довольствоваться жидким чаем и малоаппетитным печеньем. Феликсу Герну, который подошел к ним поболтать и оценить оставшийся товар, велено было встать к прилавку, а Дебора с Кэтрин пошли домой помыть руки. В холле все время кто-то был – то ли люди полагали, что таким путем сократят дорогу на распродажу, то ли, впервые оказавшись здесь, считали, что в стоимость входного билета включена и экскурсия по дому. Дебору, казалось, это вовсе не занимало.

– Боб Гиттингз, наш полицейский, засел в гостиной, – отметила она. – Столовая заперта. Всегда тут кто-нибудь ходит. Но еще никогда ничего не пропадало. Пойдем вон через ту дверь, в маленькую ванную комнату. Так быстрее.

Но все-таки когда с черной лестницы сбежал какой-то человек, торопливо извинившись перед ними, им это явно не понравилось. Девушки остановились, и Дебора окликнула его:

– Вы ищете кого-нибудь? Это ведь частный дом.

Он оглянулся на них – нервный, тощий мужчина с седеющими волосами, высоким лбом и узкими губами, которые он растянул в подобающей случаю улыбке.

– О, простите, я не придал значения. Простите, Бога ради. Я искал туалет.

Голос был не из приятных.

– Если вам нужен туалет, – сказала Дебора резко, – вы его в саду найдете. По-моему, там есть вполне заметный опознавательный знак.

Он вспыхнул, пробормотал что-то в ответ и исчез.

Дебора пожала плечами:

– Заяц трусливый! Вряд ли он тут что-нибудь учинил. Но лучше бы им по дому не гулять.

«Стану хозяйкой Мартингейла, – решила Кэтрин, – наведу порядок».

В палатке, где была приготовлена закуска, естественно, собралось много народу, под аккомпанемент музыки, которую транслировали по радио и которая проникала сквозь холщовые стены, позвякивала фаянсовая посуда, гудели голоса и посвистывал титан. Накрывали на стол ученики воскресной школы – они соревновались, кто лучше составит букет из полевых и лесных цветов. На каждом столе стоял именной кувшинчик из-под джема, в котором красовались маки, лесная кислица и шиповник, буйно распустившиеся от того, что их долго

держали в горячих ладонях, – цветы поражали своей нежной, наивной красотой, хотя их аромат тонул в терпком запахе вытоптанной травы, пропеченного солнцем холста и пищи. Говор стоял такой громкий, что, когда наступила неожиданная пауза, Кэтрин показалось, что все вокруг стихло. Только минуту спустя до нее дошло, что не все замолкли, что не все повернулись к противоположному входу в палатку, в котором появилась Салли в белом платье с глубоким конусообразным вырезом, юбка – в водовороте складок; в точно таком же была и Дебора, и такой же зеленый пояс охватывал талию Деборы, зеленые серьги сияли у горящих щек. Кэтрин почувствовала, как вспыхнули и ее щеки, и против воли бросила на Дебору быстрый вопросительный взгляд. Она была не одинока. Все больше и больше голов поворачивались к ним. В дальнем углу палатки, где девчонки мисс Лидделл уже давно попивали чай под неусыпным оком мисс Поллак, кто-то захихикал. Кто-то сказал тихо, но и не так уж тихо:

– Ну и Сал!

Только Дебору, казалось, это не занимало. Не удостоив Салли взглядом, она подошла к доскам на козлах, служившим столом, и спокойно попросила чай для двоих, бутерброды с маслом и кекс. Миссис Парди в замешательстве торопливо налила две чашки, и Кэтрин последовала за Деборой к свободному столику, схватив тарелку с кексом, в ужасе думая, что и она попала в дурацкое положение.

– Как она посмела? – пробормотала она, наклоняя пылающее лицо над чашкой. – Она же это нарочно.

Дебора чуть повела плечом:

– Не знаю. Какое это имеет значение? Ну попутал ее маленько нечистый, мне-то что до этого?!

– Откуда у нее это платье?

– Оттуда же, откуда у меня. Ярлык фирмы ведь внутрь пришивают. Это не эксклюзивная модель или что-то там еще. Любой может купить, если захочет поискать. Салли, видно, решила, что игра стоит свеч.

– Но откуда ей было знать, что и ты сегодня его наденешь?

– Любой другой случай, полагаю, тоже подошел бы. Может, хватит об этом?

– Не понимаю, почему ты относишься к этому так спокойно. Я бы не смогла.

– Что ты хочешь от меня? Чтобы я пошла и содрала его с нее? Можно, конечно, поразвлечь соседей, но всему есть предел.

– Интересно, что Стивен на это скажет, – сказала Кэтрин.

Дебора удивилась.

– Не уверена, что он даже заметит, разве что подумает, что платье ей к лицу. Оно больше ей идет, чем мне. Тебе нравится кекс или отправишься на поиски сандвичей?

Путь к дальнейшим дебатам был отрезан, и Кэтрин принялась за чай.

2

Время тянулось медленно. После эпизода в палатке Кэтрин потеряла к празднику всякий интерес, и распродажа подержанных вещей превратилась для нее в принудиловку. Как Дебора и предсказывала, все было распродано до пяти часов, и Кэтрин решила помочь организовать катание на пони. Когда она появилась на лужайке, Стивен поднимал вопящего от восторга Джимми и усаживал в седло перед матерью. Солнце к концу дня не так шпарило, в его лучах волосы малыша превратились в пламень. Сияющие волосы Салли упали вперед, когда она нагнулась, шепча что-то Стивену. Кэтрин услышала, как он засмеялся в ответ. Она никогда не забудет то мгновение. Она прошла в сад, стараясь собраться с духом и вернуть себе то безмятежное состояние, в котором она начинала день. Побродив бесцельно по саду в поисках какого-нибудь занятия, она решила пойти в дом, полежать до ужина. Ни миссис Макси, ни Марты она не увидела, заняты, наверное, с Саймоном Макси или готовят холодную закуску, которой должен увенчаться праздник. В окно она видела, как

дремлет доктор Эппс около своих аттракционов «Метание стрел» и «Шалаш сокровищ», самая напряженная часть дня была позади. Скоро назовут победителей соревнований, их станут хвалить и награждать; люди тоненьким, но непрерывающимся ручейком уже потянулись на автобусную остановку.

Салли она не видела больше, она помылась, переоделась, пошла в гостиную и встретила Марту, которая сказала, что Салли с Джимми еще не вернулась. На столе в столовой были приготовлены холодная закуска, салаты, вазы со свежими фруктами, и все, кроме Стивена, уже были в сборе. Доктор Эппс, веселый и словоохотливый, как обычно, сосредоточил свое внимание на бутылках с сидром. Феликс Герн расставлял бокалы. Мисс Лидделл помогала Деборе накрывать на стол. По тому, как она с тревогой восклицала, когда что-нибудь не могла найти, как бессмысленно перекладывала салфетки, суетилась, ясно было, что она чем-то встревожена. Миссис Макси стояла спиной к собравшимся и смотрела в зеркало над камином. Когда она повернулась, Кэтрин поразило ее измученное, испещренное морщинами лицо.

– А Стивен не с вами? – спросила она.

– Нет. Я не видела его с тех пор, как он выводил лошадей. Я была у себя в комнате.

– Может, он с Боукоком повел их в конюшню? А может, переодевается? Думаю, не стоит его ждать.

– А где Салли? – спросила Дебора.

– Дома ее, похоже, нет. Марта сказала мне, что Джимми в колыбели, следовательно, она, должно быть, приходила и снова ушла.

Миссис Макси говорила чрезвычайно спокойно. Если что и стряслось дома, то она, очевидно, считала происшествие весьма незначительным, чтобы обсуждать его далее в присутствии гостей. Феликс Герн взглянул на нее, и знакомое дурное предчувствие овладело им. Какая странная реакция на столь обыденное событие! Он посмотрел на сидевшую напротив Кэтрин Бауэрз – она тоже явно обеспокоена. Все, конечно, устали. Если не считать бессвязной, раздражающей болтовни мисс Лидделл, никто почти ничего не говорил. Как обычно случается после светских мероприятий, к которым долго готовишься, все раскисли. И хотя

все позади, действовала инерция, они не могли так сразу переключиться и расслабиться. Солнце пекло целый день, теперь давило. Ни ветерка, жара стала еще нестерпимее.

Когда в дверях появилась Салли, все повернулись к ней, точно ужаленные. Она прислонилась к обтянутой холстом панели, белые складки юбки веером разлетелись на темном фоне стены, словно крыло голубя. В тревожном, предвещающем бурю освещении пылали ее волосы. Лицо ее было бледным, но она улыбалась. Рядом стоял Стивен.

Миссис Макси отдавала себе отчет, что произошло: только что каждый в отдельности думал о Салли, а сейчас они сомкнули ряды точно перед лицом общей опасности. Пытаясь снять напряжение, она произнесла небрежным тоном:

– Рада, что ты пришел, Стивен. Салли, вам следовало бы переодеться в рабочее платье и помочь Марте.

Самоуверенная улыбка Салли сменилась смехом. Ей понадобилось какое-то время, чтобы ответить чуть ли не смиренным голосом, с насмешливым почтением:

– Но подобает ли так поступать девушке, мэм, которой ваш сын только что сделал предложение?

3

Саймон Макси провел ночь как обычно – не лучше, не хуже. Вряд ли это удалось еще кому-то из тех, кто ночевал под его крышей. Жена его дежурила в гардеробной, прикорнув на кушетке, слушала, как тикают рядом на столике часы, пока фосфоресцирующая стрелка неотвратимо приближается к следующему дню. Она столько раз, лежа здесь, в гардеробной, прокручивала в памяти ту сцену, что, казалось, восстановила каждую секунду, малейшую перемену голоса или настроения. Она могла бы припомнить буквально каждое слово мисс Лидделл, этот истерический выпад, водопад диких, полубезумных

оскорблений, которые спровоцировали Салли на грубость.

«Не смейте говорить о том, что вы сделали для меня. Да вы меньше всего думали обо мне, старая лицемерка, сексоманка несчастная! Благодарите Бога, что я держу язык за зубами. Мне есть что рассказать о вас людям».

И Салли вышла, оставив всю компанию наедине с ужином, за который они принялись кто с неподдельным аппетитом, а кто через силу. Мисс Лидделл даже не старалась есть. Миссис Макси заметила на ее щеке слезу и подумала: должно быть, мисс Лидделл действительно страдает, ведь она так пеклась о Салли, от души радовалась ее успехам и удаче. Доктор Эппс управлялся с едой в непривычном для него молчании – верная примета, что его челюсти и мозг заняты одновременно. Стивен не последовал примеру Салли, а сел за стол рядом с сестрой. В ответ на тихий вопрос матери: «Это правда, Стивен?» – он ответил просто: «Конечно». Больше он к этому не возвращался; брат с сестрой, сидя весь вечер друг подле друга, ели мало, но зато являли собой единый фронт сопротивления стенаниям мисс Лидделл и ироническим взглядам Феликса Герна. Он, думала миссис Макси, единственный из собравшихся, кто получает удовольствие от этой трапезы. Не исключено, что эти события способствовали его аппетиту. Она знала, что он недолюбливал Стивена, и эта странная помолвка, похоже, забавляет его и увеличивает его шансы относительно Деборы. Дураку ясно, что Дебора не останется в Мартингейле, если Стивен женится. Миссис Макси с необычайной отчетливостью, отчего ей даже не по себе стало, вспомнила склоненное лицо Кэтрин, так некстати вспыхнувшее от горя или негодования, и то, как хладнокровно Феликс Герн окликнул ее, чтобы она хотя бы попыталась скрыть свое состояние. Он всегда умел развеселить, когда хотел, а вчера вечером особенно постарался. Чудеса, да и только, к концу ужина все уже смеялись. Неужели это было всего семь часов назад?

В тишине маятник тикал невыносимо громко. Ночью шел проливной дождь, сейчас, правда, прекратился. В пять утра ей послышалось, что Саймон заворочался, и она пошла к нему. Но он лежал в забытьи, они это состояние называли сном. Стивен сменил ему снотворное. Дал какую-то микстуру вместо таблеток, правда, результат был тот же самый. Она вернулась к кушетке, но заснуть ей не удалось. В шесть утра она поднялась, надела халат, потом налила в электрический чайник воды и включила его, решив выпить чаю. Наконец-то наступил день со своими хлопотами.

Когда Кэтрин постучала в дверь и скользнула в комнату в пижаме и халате, ей даже легче сделалось. Правда, на какое-то мгновение испугалась, что Кэтрин пришла выговориться, что придется обсуждать события прошлого вечера, оценивая их, возмущаться, снова их переживать. Большую часть ночи она обдумывала планы, в которые не могла да и не хотела посвящать Кэтрин. Но она безумно обрадовалась, что наконец-то появилась живая душа. Она заметила, что девушка очень бледная. Значит, кто-то еще маялся без сна в эту ночь. Кэтрин сказала, что почти не спала из-за дождя и проснулась очень рано от головной боли. У нее теперь редко мигрени, но когда бывают, то спасу нет. Не найдется ли у миссис Макси аспирину? Лучше в капсулах, но в таблетках тоже сойдет. Миссис Макси подумала, что головная боль, верно, предлог, чтобы завести доверительную беседу о Салли со Стивеном, но, взглянув пристальнее на отяжелевшие веки Кэтрин, она убедилась, что та не притворяется. Кэтрин явно было не до продуманных ходов. Миссис Макси предложила ей поискать лекарство в аптечке, а сама поставила на поднос еще одну чашку чаю. Конечно, Кэтрин не самая подходящая для нее компания, но по крайней мере она, судя по всему, станет пить чай молча.

Они сидели у электрокамина, когда пришла Марта, ее вид и тон являли собой этакую взрывчатую смесь негодования и волнения.

– Салли, мэм, – сказала она, – снова, видать, проспала. Я ее зову, а она не отвечает, подергала дверь, так она ее заперла. Я даже войти не смогла. Не пойму, чего девчонка добивается, мэм.

Миссис Макси поставила чашку на блюдце и отметила с любопытством и одновременно с отстраненностью медика, что рука у нее не дрожит. Произошло что-то страшное – эта мысль сковала ее ужасом, пришлось переждать, пока не совладала с голосом. А когда заговорила, ни Кэтрин, ни Марта не заподозрили в ней никакой перемены.

– Вы как следует стучали? – спросила она.

Марта замялась. Миссис Макси не зря спрашивала. Марта предпочла не поднимать шума. Это ей было на руку – пусть Салли и в самом деле проспит. После бессонной ночи выслушивать эти мелкие придирки было просто невыносимо.

– Попытайтесь еще раз, – сказала миссис Макси. – У Салли вчера был трудный день, как и у всех у нас. Люди без причин не просыпают.

Кэтрин открыла было рот, хотела что-то сказать, но передумала и склонилась над чаем. Через несколько минут Марта вернулась, и на этот раз она уже не сомневалась. Раздражение заглушила тревога, в голосе звучала почти паника:

– Бесполезно, она не слышит меня. Малыш проснулся. Он там хнычет. Салли не слышит меня, и все тут!

Миссис Макси не помнила, как добралась до дверей Салли. Она была настолько уверена, что комната должна быть открытой, что минуту-другую стучала в дверь и дергала ее, но безрезультатно, наконец до нее дошло – дверь заперта изнутри. Стук в дверь разбудил Джимми, и теперь он уже не хныкал, а вопил от страха. Миссис Макси слышала, как он гремит перекладинками кроватки, и представляла, как он старается подняться, стиснутый шерстяным спальным мешком, и докричаться до своей мамы. На лбу у нее проступил холодный пот, она стерла его – хоть что-то сделать, чтобы заставить себя перестать колотить в паническом ужасе по бесчувственному дереву.

Марта застонала, а Кэтрин положила на плечо миссис Макси руку, чтобы утешить и сдержать ее:

– Не надо так волноваться. Я позову вашего сына.

«Почему она не сказала “Стивена”? – подумала миссис Макси ни с того ни с сего. – Ведь мой сын – Стивен». Он тут же пришел. Должно быть, стук в дверь разбудил его, иначе Кэтрин не смогла бы привести его так быстро. Стивен говорил спокойным тоном:

– Мы залезем в окно. Лестница в чулане подойдет. Я позову Герна.

Он удалился, а женщины, сгрудившись, стоя тесной группкой, молча ждали. Время, казалось, еле ползло.

– Это недолго, – успокаивала Кэтрин. – Они сейчас вернутся. С ней все в порядке, я просто уверена. Должно быть, заспалась.

Дебора посмотрела на нее долгим взглядом:

– Когда так надрывается Джимми? Думаю, ее там нет, ушла, и все.

– С чего бы это? – спросила Кэтрин. – А почему же дверь заперта?

– Ну что вы, Салли не знаете: выбрала путь более эксцентричный – вылезла в окно. Ей, по-моему, так нравятся представления, что она их устраивает, даже когда ей самой не удается насладиться эффектом. Вот мы дергаемся, дрожим здесь. Стивен и Феликс волокут лестницу, весь дом ходуном. Она только этого и добивалась.

– Она не бросила бы малыша, – сказала вдруг Кэтрин. – Ни одна мать не сделала бы этого.

– А эта, как видите, сделала, – сухо ответила Дебора.

Но ее мать отметила, что она не двинулась с места.

Вопли Джимми стали просто невыносимыми, в них тонули все остальные шумы, не слышно было, как мужчины возятся с лестницей, как лезут через окно в комнату. Они услышали лишь резко щелкнувший замок. На пороге стоял Феликс. Взглянув на него, Марта вскрикнула – то был звериный, пронзительный вопль ужаса. Миссис Макси скорее почувствовала, чем услышала шарканье ее шагов – она пошла прочь, но за ней никто не последовал. Остальные, оттолкнув руку Феликса, пытавшегося помешать им, молча двинулись вперед – туда, где лежала Салли. Окно было открыто, наволочка на подушке промокла от дождя. На ней тонкой золотой сетью лежали волосы Салли. Глаза у Салли были закрыты, но она не спала. Из уголка плотно сжатого рта, точно порез, протянулась тонкая струйка засохшей крови. На шее с обеих сторон, там, где руки убийцы задушили в ней жизнь, темнели синяки.

Глава четвертая

1

– Уютный уголок, – сказал сержант сыскной полиции Мартин, когда полицейская машина подкатила к Мартингейлу. – Хоть немного переключимся после нашей последней работенки.

Он сказал это с удовольствием – уроженец сельских мест, он остался верен деревне, а в этих густонаселенных городах и жутких многоквартирных домах убийцам приволье. Он потянул носом воздух и поблагодарил небеса, которые надоумили полицию или судьбу поручить местному полицейскому позвонить в Скотланд-Ярд. Прошел слух, что шеф полиции лично знаком с семьей, где произошло убийство, именно потому он счел благоразумным незамедлительно передать это неприятное дело своему подчиненному, к тому же на нем висело нераскрытое преступление, совершенное где-то на границе их графства. Сержанта Мартина все это вполне устраивало. Работа есть работа, где бы ты ее ни делал, но все же человек имеет право выбора.

Старший инспектор Адам Дэлглиш ничего не сказал в ответ, но, выскочив из машины, отступил на шаг и быстро оглядел дом. Типичная елизаветинская усадьба, правда, несколько стилизованная. По обеим сторонам квадратного центрального крыльца возвышалось два больших, на два этажа, фонаря со средниками и фрамугами в окошках. Водосточная труба увенчана массивным геральдическим вензелем. Крыша плавно спускается к маленькой открытой каменной балюстраде, также украшенной резными гербами, шесть мощных дымовых труб в стиле тюдор[9 - Стиль архитектуры, отличающийся плоскими арками и деревянной обшивкой стен. Конец XVI – начало XVII в.; назван в честь династии Тюдоров.] дерзко возвышаются на фоне летнего неба. К западной части пристроена еще одна комната. По неровному изгибу стены Дэлглиш догадался, что пристроена она позднее – может, в прошлом столетии. Большие двустворчатые окна с зеркальными стеклами выходят в сад. На долю секунды в одном из них он увидел чье-то лицо, но оно тут же исчезло. Кто-то наблюдает за ними. От угла дома на запад до самых ворот тянется стенка из серого камня, почти целиком скрытая кустарником и высокими буками. С этой стороны деревья совсем близко подступали к дому. Над стеной в листве он разглядел лестницу, приставленную к эркеру. Там, должно быть, комната убитой девушки. Ее хозяйка удачно выбрала – комната, как раз чтобы принимать случайных гостей. У крыльца стояли две машины – полицейская (возле нее в застывшей позе сидел полицейский) и перевозка из морга. Шофер перевозки откинулся на сиденье, надвинул козырек фуражки на глаза, он даже не заметил Дэлглиша, а его

напарник мельком глянул на Дэлглиша и снова уткнулся в воскресную газету.

Старший офицер местной полиции ждал их в холле. Они, конечно, знали друг друга: оба были довольно известны в своих кругах, но ни тот, ни другой ни разу не проявили ни малейшего желания познакомиться поближе. Минута была не из легких. Маннинг почел своим долгом подробно объяснить, почему его шеф все же решил связаться со Скотланд-Ярдом. Ответ Дэлглиша был не менее учтив. Тут же сидели два репортера, как два терпеливых пса, которым пообещали, если они будут вести себя смирно, кинуть кость. В доме было очень тихо, в воздухе веял слабый аромат роз. После нестерпимой духоты в машине показалось, что прохладно, и Дэлглиш невольно поежился.

– Вся семья в сборе в гостиной, – сказал Маннинг. – Я приказал сержанту там остаться. Вы хотите увидеть их сейчас?

– Нет, сначала осмотрю труп. Живые подождут.

Старший офицер Маннинг двинулся вверх по широкой лестнице, поясняя ситуацию вновь прибывшим:

– Я собрал немного информации до того, как узнал, что связались с центром. Основное вам, вероятно, уже сообщили. Жертва служила здесь горничной. Мать-одиночка, двадцати двух лет. Ее задушили. Труп обнаружен приблизительно в 7.15 утра членами семьи. Дверь в спальню девушки была заперта. Значит, выход, а может, и вход – только через окно. Вы увидите следы на сточной трубе и стене. Похоже, убийца упал с высоты пяти футов. Ее видели живой вчера в 10 часов 30 минут вечера, она несла себе на ночь питье в спальню. Так и не допила. Кружка – на тумбочке у кровати. Поначалу я решил, что это дело рук чужака, просто уверен был. Здесь вчера устраивали праздник, любой мог войти в сад. В дом тоже, чтобы совершить задуманное. Но кое-что настораживает.

– К примеру, питье? – спросил Дэлглиш.

Они как раз миновали лестничную площадку и направлялись в западное крыло дома. Маннинг взглянул на него с любопытством.

– Да, какао. Не исключено, что оно было отравлено. Пропали кое-какие лекарства в доме. Мистер Саймон Макси – инвалид. Из его аптечки пропал

пузырек со снотворным.

– Вы нашли признаки отравления на теле убитой?

– Ею сейчас занимается патологоанатом из полицейского участка. Но я сомневаюсь в этой версии. Мне кажется, ее сразу задушили. После обеда мы, вероятно, получим точный ответ.

– Она могла сама принять таблетки, – сказал Дэлглиш. – Нет ли к тому причин?

Маннинг молчал.

– Может, и есть. Я не собрал еще всей информации, но кое-какие слухи ходят.

– А-а, слухи.

– Мисс Лидделл пришла сегодня утром за малышом. Она здесь ужинала вчера вечером. По ее рассказам, ужасный ужин получился. Выяснилось, что Стивен Макси сделал предложение Салли Джапп. Разве это нельзя принять за мотив убийства? Если иметь в виду членов семьи Макси?

– Полагаю, что в подобных обстоятельствах можно.

Спальня была оклеена белыми обоями, очень светлая. После мрачных холла и коридоров, обитых дубовыми панелями, задрапированных холстом, эта комната поражала ярким, точно искусственным светом, прямо как на сцене. Самым нереальным предметом здесь был труп – казалось, второразрядная актрисуля пытается весьма неубедительно изображать мертвую. Глаза у нее были прикрыты, а на лице сохранилось выражение легкого удивления; Мартин частенько замечал его на лицах убитых. Два маленьких, очень белых зуба прикусили нижнюю губу, что делало личико девушки похожим на кроличье, тогда как в жизни, он понял это, оно было привлекательным, может, даже красивым. Ореол золотых волос светился на подушке, будто бросая нарочитый вызов смерти. Он прикоснулся к ним, они были слегка влажные. Удивительно, подумал он, что их сияние не потускнело, после того как жизнь покинула тело. Он стоял не двигаясь и смотрел на нее. Он не испытывал жалости или гнева в подобные минуты, хотя позднее приходило и то и другое, но чувства следовало

подавлять. Ему надо было запомнить получше, как выглядит убитая. Такая уж у него выработалась привычка за семь лет, прошедших с его первого крупного дела – тогда он мрачно и решительно смотрел на искромсанный труп проститутки из Сохо и думал: «Вот так. Это моя работа».

Фотограф закончил работать с трупом, потом приступил к делу полицейский хирург. Теперь фотограф заканчивал снимки комнаты и окна, после чего он сложит свою аппаратуру. Похоже, другой полицейский уже снял отпечатки пальцев с тела Салли и, погрузившись в свой мир кривых линий и химических составов, передвигался незаметно и бесшумно от дверной ручки к замку, от кружки с какао к ящикам комода, от кровати к подоконнику, потом выбрался на лестницу и стал работать со сточной трубой и самой лестницей. Доктор Фелтман, полицейский хирург, лысый, упитанный и натужно веселый, считал нужным демонстрировать профессиональную невозмутимость перед лицом смерти; сейчас он складывал инструменты в черный чемоданчик. Дэлглиш сталкивался с ним и раньше, знал, что он первоклассный специалист, который никогда не может понять, где кончается его работа и начинается работа детектива. Доктор подождал, пока Дэлглиш отвернется от тела убитой, и заговорил:

– Мы готовы увезти ее, если она вам не нужна. С медицинской точки зрения все выглядит довольно просто. Ее задушил правой рукой человек, стоявший перед ней. Она умерла быстро, не исключено, что от повреждения блуждающего нерва. Я смогу сообщить вам и другие подробности после полудня. Следов полового акта я не обнаружил, но это не значит, что секс тут не замешан. Думаю, это из тех самых случаев: самый верный способ спастись от желания – обнаружить, что ты обнимаешь труп. А когда мы его поймаем, то услышим знакомую историю: «Я обвил ее шею руками, чтобы напугать, а она обмякла». Судя по всему, он залез в окно. На водосточной трубе следы пальцев, но не уверен, что обследование земли вокруг дома даст что-нибудь. Внизу – внутренний двор. Не мягкая земля с парой отчетливых следов от подошв. Да и дождь прошлой ночью лил как из ведра, что вряд ли нам на руку. Я пойду приведу санитаров с носилками, если ваши люди уже закончили. Мерзкое занятие для воскресного утра.

Он вышел, а Дэлглиш обследовал комнату. Просторная, мебели мало, поразительное обилие солнечного света, уютно. Наверное, подумал он, раньше здесь была детская для дневных игр. Старомодный камин у северной стены загораживала массивная, в крупную сетку, решетка, за которой был подключен

электрокамин. По обеим сторонам камина в глубоких проемах стояли книжные шкафы и низкие горки с чайной посудой. В комнате было два окна. То, что поменьше, – эркер, к которому была прислонена лестница, смотрело на запад, оно выходило во внутренний двор, к старым конюшням. Почти во всю ширину южной стены было другое окно, в которое открывалась панорама лугов и садов. Стекло в нем было старое, украшенное медальонами. Только на верхних стеклах были фрамуги.

Под прямым углом к окну в эркере стояла кремового цвета кровать, с одной стороны – кресло, с другой – столик с ночной лампой. Детская кроватка в противоположном углу комнаты, полузакрытая ширмой. Такую ширму Дэлглиш запомнил еще с детства – на ней была уйма цветных картинок и открыток, наклеенных на материю и застекленных. Перед камином лежал ковер, стояло низкое кресло-качалка. Около стены – простой бельевой шкаф и комод.

В комнате была какая-то необычная безликость. Воздух в ней хранил запахи детских комнат – талька, детского мыла, теплых пеленок. Но сама девушка совсем не проявилась в том, что окружало ее. Нет обычного беспорядка, как бывает в комнате женщины, на что он рассчитывал. Ее личные вещи лежали аккуратно по своим местам, но не несли никакой информации. Комната эта была прежде всего детской со скромной постелью для матери малыша. На полках стояло несколько книжек – по уходу за ребенком. Полдюжины журналов – для матери и домохозяек, а не для юных работниц, чьи интересы, конечно же, более романтичны и разнообразны. Он достал один журнал с полки, полистал. Из него выпал конверт с венесуэльской маркой. На нем значился адрес:

Д. Пуллен, эскв.

Розовый коттедж, Нессингфорд-роуд,

Литтл-Чадфлит. Эссекс, Англия.

На обратной стороне карандашом были написаны три даты – 18-е, среда; 23-е, понедельник; 30-е, понедельник.

Перейдя от книжной полки к комоду, Дэлглиш выдвинул по очереди ящики и внимательно изучил содержимое, перебирая вещи привычными движениями. Все они были в безупречном порядке. В верхнем ящике лежали только детские вещи. Большинство – вязаные, чистые и выглаженные. Во втором лежало нижнее белье девушки, сложенное аккуратными стопками. В третьем, нижнем, ящике его ждал сюрприз.

– Что ты на это скажешь? – спросил он Мартина.

Сержант молча подошел к шефу с быстротой, неожиданной для его полноты. Ухватил своей лапищей одну вещицу.

– Похоже, ручная работа, сэр. Сама обшивала. Тут целый ящик. Сокровище просто!

– Конечно. И не только белье. Скатерти, ручные полотенца, наволочки, – говоря, он перекладывал их. – Довольно-таки трогательная рукодельница, Мартин. Месяцы работы, а результаты заточены в лавандовые пакеты и оберточную бумагу. Бедная крошка. Думаешь, это все было предназначено для Стивена Макси? Мне как-то трудно себе представить такие скромные салфетки на столе в Мартингейле.

Мартин взял одну салфетку и оценивающе разглядел ее.

– Боюсь, не о нем она думала, когда вышивала. Он ведь только вчера сделал ей предложение, если верить Маннингу, а трудилась она над этим месяцами. Моя матушка тоже так вышивала. Наметит дырочку в материи, потом обошьет и вырежет серединку. Ришелье или еще как-то называется. Очень красиво – если вам вообще рукоделие по душе, – добавил он, поскольку шеф явно не разделял его энтузиазма. Он склонился над салфетками в ностальгическом восторге, потом положил в ящик.

Дэлглиш подошел к окошку в эркере. Широкий подоконник был на высоте почти трех футов. На нем валялись осколки крошечных стеклянных животных: бескрылый пингвин лежал на боку, а хрупкая такса была расколота надвое. Один только сиамский кот уцелел в этой разрухе и посверкивал синими глазами.

Две самые большие, средние, секции окна с щеколдой открывались наружу, водосточная труба огибала точно такое же окно шестью футами ниже, которое выходило на выложенный плитками внутренний двор. Любому, более или менее ловкому человеку, не представляло особого труда спуститься вниз. Да и подняться вверх нетрудно. Дэлглиш еще раз отметил, что этот вход – или выход – был укрыт от посторонних глаз. Справа от него высокая кирпичная стена, почти невидимая за ветвями буков, уходила к подъездной аллее. Прямо перед окном на расстоянии тридцати ярдов возвышались старые конюшни с симпатичными башенками. За окном можно следить только из-под открытого навеса. Слева видна небольшая часть лужайки. Там кто-то копался. На пятачке, вокруг которого натянута веревка, трава не то вытоптана, не то подстрижена. Даже из окна Дэлглишу видны были куски дерна и коричневая почва. Сержант Мартин подошел к нему и ответил на его молчаливый вопрос:

– Здесь доктор Эппс устраивал аттракцион «Шалаш сокровищ». Он его на одном и том же месте устраивает вот уже двадцать лет. Вчера здесь был церковный праздник. Почти все флажки сняли – викарий любит, чтобы к воскресенью было прибрано, но еще день-два понадобится, пока полный порядок наведут.

Дэлглиш вспомнил, что сержант был из здешних мест.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Школа для детей от 11 до 18 лет, программа которой предусматривает изучение классических языков. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Один из рыцарей Круглого стола, воплощение рыцарских добродетелей.

3

Фирменное название порошка для приготовления шоколадно-молочного напитка.

4

Сокр. от Седраха. См. притчу о трех отроках – Седрахе, Микахе и Авденаго, – товарищах пророка Даниила: «И дяаровал Бог четырем сим отрокам знание и разумение всякой книги и мудрости, Даниилу еще даровафл разуметь всякие видения и сны» (Книга пророка Даниила, 1:17).

5

Болезнь (фр.).

6

Галлиполийская операция (1915 г.) – высадка англо-французского десанта на Галлиполийский полуостров, окончившаяся поражением десанта.

7

Марнское сражение (1918 г.) – сражение между войсками Антанты и США и германскими войсками, окончилось поражением немцев, и инициатива окончательно перешла в руки союзников.

8

Один из видов архитектурной композиции, в классической архитектуре различается несколько ордеров, среди них – коринфский.

9

Стиль архитектуры, отличающийся плоскими арками и деревянной обшивкой стен. Конец XVI – начало XVII в.; назван в честь династии Тюдоров.

Купить: https://tellnovel.com/dzheyms_fillis-doroti/lico-ee-zakroyte

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити